

СЕКЦИЯ 5

«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА»

СОДЕРЖАНИЕ

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ Арутюнян К.С., кандидат философских наук, доцент.....	527
О некоторых Социальных эффектах тотальной коммерциализации общества Гончаров Н.В., к. филос. наук, Лященко М.Н., к. филос. наук, доцент	530
ГРЕЦИЯ МЕЖДУ ЛЕГАЛЬНОЙ И НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ. Дерябина С.Р., кандидат исторических наук, доцент	535
КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В ГРУППЕ КОМПАНИЙ СФЕРЫ АВИАЦИОННЫХ УСЛУГ И.С. Кадникова, аспирант.....	540
ДОВЕРИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН Лыков А.В., канд. ист. наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии	544
СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ КАК ТЕРРИТОРИЯ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ (В ОЦЕНКЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ОРЕНБУРГА) Переселкова З. Ю., канд.ист.наук кафедры философии, культурологии и социологии Байканова М. М., магистрант института социальных и гуманитарных наук,.....	556
Особенности управления персоналом образовательной организации в современных условиях Перминова М.С., кандидат социологических наук...	563
ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ Хамидуллин Н.Р., кандидат политических наук, доцент, Хамидуллина Т.Н., учитель высшей квалификационной категории	568

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**
АРУТЮНЯН К.С., КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
**ФГБОУ ВО «РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ В.Ф.УТКИНА», Г. РЯЗАНЬ**

Термин «информация» применяется во всех социальных науках. Но особое место занимает в таких научных направлениях, как – теория управления, социология, экономика, политология. Недостаточное внимание уделяется проблеме информации и роли в управленческом процессе с позиции философии. В рамках проведенного исследования осуществлен социально-философский анализ о роли управления социальными системами (на примере политической и культурной сферы).

Информация представляет собой важнейший ресурс для жизнеобеспечения и развития современного общества, при этом роль постоянно возрастает. Социальная информация представляет полные знания о развитии социальных систем и направлена на удовлетворение потребностей с помощью информационных технологий.

Велика роль управления в условиях становления гражданского общества для формирования равноправных субъект-объектных отношений как одно из условий социального партнерства. Подобная диалоговая модель является одной из наиболее эффективных технологий по определению политического сознания человека с активной гражданской позицией. Такую цель, возможно, достичь только при выстраивании организационных отношений между обществом и государством, между властью и населением.

В рамках современных демократических преобразований приобретает особую актуальность управление политическими процессами, а также процессы взаимодействия между акторами политического взаимодействия, от эффективности которых зависит стабильность и эффективность принятия политических решений.

Информация является одним из важных ресурсов в управлении политическими ресурсами, информационное взаимодействие, регулируемое управленческими механизмами представляет собой одно из приоритетных направлений демократического общества. Следует отметить, что информационное взаимодействие в условиях социального управления вовлекает в этот процесс не только управленческие кадры, средства массовой информации, но и все общество в целом.

С точки зрения, социальной информации выделяют следующие виды управления информацией: 1. Управление процессами (всеми сферами общественной жизни). 2. Управление информационными процессами для принятия эффективных управленческих решений. В этих условиях следует обратить внимание на сущность информации и ее влияние на управление. С точки зрения семантического подхода, подчёркивается содержательная часть информации, ее сущность, смысл, которая будет необходима для принятия

решений. Прагматическая сторона информации характеризует ее способность воздействовать на управленческие процессы.

В период распространения цифровых технологий, Интернета, СМИ, необходимо, чтобы управление применяло новые механизмы сбора и обработки информации и предоставление ее населению.

Условия демократического общества способствуют развитию политического и социального общения. Граждане получают доступ к информации, участвуют в процессе принятия решений, обсуждений. Тем самым происходит образование такой формы управления, которая определяет роль государства как обслуживающего фактора. При этом реализуется такой принцип как «государство для народа, а не наоборот».

Основными признаками информационной цивилизации является информация, управление, организация, контроль. В современных условиях, важно, чтобы государство выработало такую идеологию, которая была бы направлена на сохранение менталитета народа. При этом задача властей предоставить как можно больше информации разного уровня и содержания.

Очень важно развивать такое направление как информационный менеджмент. Основная задача менеджмента – это проведение информационной политики. Политика должна быть средством управления сознанием человека в интересах всего общества. Информационная политика формирует новый тип человека – это информационный человек с наиболее развитой формой управленческого и информационного сознания. Информационный человек является носителем свободной культуры, который способен получать, обрабатывать и хранить информацию. Поэтому для эффективного управления требуется сознательная управленческая деятельность, с учетом требований информационных процессов, которые определяют новые условия.

Таким образом, информация меняет среду и образ жизни. Жизнь все более зависима от информации, поэтому от ее эффективности во многом зависит экономическая и политическая стабильность региона или страны в целом. Человечество пребывает в состоянии постоянных изменений.

Информационные процессы проникают во все сферы бытия человека, включая индивидуальные ценности и смыслы, видоизменяют окружающий мир, предоставляя новую систему с новыми моделями ценностей реализации и предлагают инновационные механизмы управления, которые не учитывают традиционных представлений и пониманий [1, с.105].

Интернет, цифровизация являются важными технологическими достижениями, но при этом являются следствием проявления цивилизационных вызовов. В этих условиях выдвигается еще одна концепция «управление ценностями», т.к. социальное управление является действенным механизмом понимания формирования устойчивой ценностной системы для предотвращения разрушения духовных ценностей.

Изменения затрагивают не только сущностное содержание информации, системы традиционных ценностей, но и механизмы управления. Система управления переходит от жесткого влияния, на парадигму манипулирования.

Концептуальные изменения претерпевают сегодня и механизмы ранее традиционных [2, с. 522].

Управление ценностями в современных условиях состоит из двух компонентов: культура, идеология.

Ценности культуры являются одним из важных регуляторов системы общественных отношений. Например, ценности цифровой цивилизации не вызывают сомнений. Данные ценности являются средством по самообразованию, по развитию познавательной активности для получения новых знаний и их трансляции. Все это является следствием и развитием информационной культуры. Новая форма культурного пространства требует управления, а именно управление ценностями.

В рамках идеологии необходимо осуществлять мероприятия по становлению ценностно-смысловых ориентиров, которые формируют идеологию. На сегодняшний момент ценности реального мира вытесняются ценностями виртуального мира.

Таким образом, ценности цифровой цивилизации являются как достижениями человечества, так и глобальными цифровыми вызовами. Управление ценностями и информацией является важным механизмом понимания не только природы вызовов, но и предотвращения процесса замены традиционных ценностей ценностями цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. 2017. № 6. С. 104-120

2. Сабирзянова И.В. Управление ценностями как способ конструирования социальной реальности / И.В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: Сборник научных трудов. Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2019. С.521-524

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЭФФЕКТАХ ТОТАЛЬНОЙ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

**ГОНЧАРОВ Н.В., К. ФИЛОС. НАУК,
ЛЯЩЕНКО М.Н., К. ФИЛОС. НАУК, ДОЦЕНТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Т. Парсонс, анализируя теоретико-методологическую легитимность редукции экономической теорией мотивации действия к эгоистически-гедонистическим основаниям, полагал, что экономическая мотивация на категориально-углубленном уровне мотивацией не является, и скорее представляет точку, в которой в зависимости от типа ситуации проявляются или могут проявиться самые разнообразные мотивы действия [15, Р. 53]. Таким образом, мотивация выгоды, которую на уровне абстрактной схемы можно представить как стремление к достижению асимметрии между максимизацией прибыли и минимизацией издержек в пользу первой, является только одной из широкого спектра мотиваций поведения в экономической сфере. С одной стороны можно согласиться с Парсонсом, на примере структуры профессиональной деятельности, в той части, что профессиональные цели включают как корыстные, так и бескорыстные элементы (последние выражаются в «бескорыстной преданности профессии» и «профессиональной этике» [15, Р. 65], что в свою очередь, корреспондирует с идеей Veruf). Но с другой, по мере возрастания степени коммерциализации социальной действительности, сопровождающейся интенсивной мультипликацией эгоистически-гедонистических ценностных установок, происходит возрастание значимости личного интереса (часто редуцируемого к монетарному) в мотивационной иерархии (в том числе профессиональной). Институциональная структура капитализма определяет соответствующие ее конституции модели, нормы, правила поведения и систему экспектаций, приводя к большей диффузии, вследствие которой возрастает концентрации корыстного интереса даже в той части мотивации профессиональной деятельности, которая традиционно считалась некорыстной.

Побуждение или стремление к максимальному вознаграждению, характерное в основном для делового пространства, в капиталистических обществах все чаще приобретает приоритетное значение в диспозициях акторов на уровне обыденной социальной практики. Господство личного экономического интереса индивида становится все более мощным фактором, управляющим социальными отношениями [14]. Интенсивная «погоня» за прибылью, инициируемая и поддерживаемая капиталистическими ценностями и нормами продуктивно коррелирует эгоистическими интенциями. Именно стремление к наживе и обогащению (Plusmacherei), выражающееся в форме производства прибавочной стоимости, есть абсолютный закон капитализма как способа производства [11, Р. 606].

Перманентное стремление к выгоде, естественно, не является исключительным свойством только капиталистического типа хозяйства. Во многом повторяя М. Вебера, Э. Гидденс пишет: «Эгоистическая алчность встречается во всех обществах и в действительности более характерна для докапиталистического, чем для капиталистического общества» [8, Р. 126]. Или, «докапиталистический человек на самом деле не менее «хваток», чем капиталистический» [16, Р. 63]. Но, как далее справедливо замечено самим же Гидденсом: «...организация современного общества, делающая возможным развитие индивидуальности и самосознания, неизбежно усиливает эгоистические наклонности индивида» [8, Р. 126]. В. Зомбарт, анализируя дифференциацию «старого» и «нового» стиля капиталистического предпринимательства, демонстрируя специфику транзитивности капиталистического духа, считал важнейшей особенностью «старого» (раннекапиталистического) стиля предпринимательства и в целом хозяйственной деятельности того периода – человекоориентированность (идея пропитания, традиционализм, мораль), стесняющую «свободный расцвет инстинкта наживы, предпринимательского духа и экономического рационализма» [2, С. 211].

В результате доминирования в капиталистических обществах парадигмы западноевропейского рационализма, сопровождающегося тенденцией десакрализации и демистификации социальной действительности, интеракционная модель актора современного капиталистического общества подверглась трансформации, представляя специфический синтез приобретательско-потребительских интенций, рациональной расчетливости (смартизации деловой активности экономического субъекта) и деонтологичности (учитывая влияние этики аскетического протестантизма на хозяйственную деятельность). Вследствие экспансии капиталистического рационализма («рациональность *sensus communis* заменяется рациональностью *homo oeconomicus*» [6, Р. 41]), из деловой сферы во многом элиминируются этические императивы. На первый взгляд, можно выделить положительные и конструктивные последствия превалирования экономической целерациональности, все чаще транспонируемой из чисто экономической плоскости в повседневность. Например, в условиях соответствующей капиталистической экономики конкуренции, проявление любых форм этнической дискриминации ставит дискриминатора в экономически невыгодное положение [13]. Но, ангажированные приобретательством интенции рациональности (в результате усиления влияния хозяйственной максимы, ориентированной на преумножение капитала [7]), продуцируемые капиталистической экономикой, активнее «просачиваются» в структуру обыденной социальной практики, «этот тип логики или отношений или метода постепенно осуществляет экспансию, подчиняя, рационализируя инструменты и философию человека, его медицинскую практику, его мировоззрение, все на самом деле, включая его концепцию красоты, справедливости и духовные амбиции» [16, Р. 64].

Несмотря на всевозможные попытки либерализма и неолиберализма, как экономического, так и политического, реактуализировать гуманистические ценности, пропагандируя идеалы свободы, равенства, человеческого достоинства и т.п., под влиянием существующей модели капиталистической

экономики, интегрирующей в социокультурное пространство соответствующие ценности и социальные паттерны, это, как правило, приводит к усилению индивидуализма, гедонизма и расчетливого эгоизма. В связи с интенсивным мультиплицированием коммерческих компетенций в социокультурном пространстве капиталистических обществ в диспозициях акторов становятся более регулярными стремления извлечь для себя максимальную выгоду даже из немонетарного социального взаимодействия.

Стремление к перманентной аккумуляции благосостояния получило в социокультурном измерении капитализма статус не только социально одобряемого, но и должного действия, например, «разговоры о том, что цель денежного успеха укоренилась в американской культуре, означают, что американцы повсеместно подвергаются давлению предписаниями, утверждающими право или, зачастую, обязанность сохранять эту цель, несмотря на неудачу» [12, Р. 190-191]. Чрезмерный прессинг, оказываемый на индивида данным экономико-социокультурным императивом, способен вызывать дисфункциональные последствия, актуализируя проблему социального аутсайдерства. Например, Р. Мертон, разрабатывая концепцию девиантной адаптации, определял тему (цель) успеха (денежного) (во многом опираясь на концепцию «праздного класса» Т. Веблена) в качестве одного из важнейших факторов, вызывающих напряжение в социальной структуре американского общества, провоцируя различные формы отклонения от социальной нормы.

Актуальна и справедлива идея М. Вебера о том, что капитализм (точнее капиталистический дух) давно освободился от этики аскетического протестантизма (при условии принятия концепций о религиозной генетике «духа» капитализма [1]), придающей особую ценность трудолюбию, бережливости и скромному образу жизни. В современном капиталистическом обществе «импульсы роскоши сменяют аскетические, а призвание накрывает волна гедонистического образа жизни» [5, Р. 156]. Маркером тенденции подобной эмансипации капиталистического духа стала высокая потребность капиталистической экономики в, так называемых, архитекторах потребительской культуры [10]. Превалирование гедонистической морали, рекультивируемой в условиях современного капитализма делимитирует потребительские интенции, одновременно усиливая стремление к наживе, а нравственный категорический императив вытеснили гедонистические соображения эгоистической целесообразности [4, С. 882]. Таким образом, современное капиталистическое общество неуклонно приближается к прогнозу М. Вебера: «Профессионалы без духа, бессердечные искатели удовольствий, ничтожества, воображающие, что достигли небывалого уровня развития человечества» [17, Р. 109].

«Генетической код» капиталистической мотивационно-стимульной структуры с соответствующим аксиологическим арсеналом успешно интегрировался в «ДНК» социального организма. Данная структура, характеризующая специфику приобретательско-потребительских установок, оказалась настолько стабильной, что многочисленные прогнозы о «крахе» или преодолении капитализма откладываются на неопределенное время. К тому же,

«соблазнительная сила нового капитализма может быть понята как колебание между отвращением и благоговением: мы одновременно испытываем моральное отвращение к порочности капитализма и в то же время очарованы им» [9, Р. 136].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990.
2. Зомбарт В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 / Пер. с нем. СПб. : Владимир Даль, 2005.
3. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 42. М. : Издательство политической литературы, 1974..
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В.В. Сапова. М. : Астрель, 2006.
5. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York : Basic Books, 1976.
6. Dean K. Capitalism and Citizenship: The Impossible Partnership. London; New York : Routledge, 2003.
7. Fulcher J. Capitalism: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2004.
8. Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory: An analysis of the Writings of Marx, Durkheim, Max Weber. London : Cambridge University Press, 1974.
9. Hancock D. Revulsion and Awe: Charting the Development of the Moral Economy of Capitalism and its Hero in the American Imagination, from the Protestant Ethic to Ecstasy of the Entrepreneur // Journal of Cultural Economy. 2017. Vol. 10. №. 2. P. 136–149. DOI 10.1080/17530350.2016.1211547
10. Malherek J. Packaging Personality: Walter Landor and Consumer Product Design in Postwar America // Australasian Journal of American Studies. 2012. Vol. 31. №. 2. P. 57–70.
11. Marx K. Das Kapital: Kritik der Politischen Oekonomie. I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Hamburg: O. Meissner; New-York : L.W. Schmidt, 1867.
12. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York : The Free Press, 1968.
13. Muller J.Z. Capitalism and the Jews. New Jersey : Princeton University Press, 2010.
14. Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge – Massachusetts – London, 2002.
15. Parsons T. Essays in Sociological Theory: Revised Edition. Glencoe, Illinois: Free Press, 1954.
16. Schumpeter J.A. Can Capitalism Survive? New York: Harper Colophon Books, 1978.

17. Weber M. Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus. II Die Berufsidee des asketischen Protestantismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Vol. 21. №. 3. P. 1–110.

ГРЕЦИЯ МЕЖДУ ЛЕГАЛЬНОЙ И НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ.

**ДЕРЯБИНА С.Р., КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
ФГБОУ ВО ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Проблемы миграции в настоящее время являются, пожалуй, самыми острыми в ряду социальных проблем государств Евросоюза. Особую актуальность они приобрели ввиду разразившегося в 2015г. миграционного кризиса, характеризовавшегося огромным притоком переселенцев из стран Ближнего Востока, Азии и Северной Африки в благополучную Европу. Прежде всего, ринувшиеся в страны ЕС были заинтересованы в высоком уровне социальной обеспеченности, гарантированном таким переселенцам либеральной политикой Евросоюза в отношении мигрантов. Однако, отнюдь не все государства ЕС обладают достаточным экономическим потенциалом для обеспечения достойного уровня жизни вновь прибывших на их территории, как в плане их материального содержания, так и в плане обеспечения в будущем рабочими местами. Далеко не последнее место в проблемах миграции занимают также религиозно-культурные различия между коренным населением и вновь прибывшими. К таким государствам Евросоюза и относится современная Греция. Находящаяся на южных границах ЕС, она первая приняла на себя миграционный удар.

С точки зрения действующих международных стандартов, Греция является практически моноэтническим государством, в котором около 90 % населения представлено этническими греками. Такое же количество население исповедует традиционную религию - православие. [10] Исторически наибольшее количество иноэтнических и инославных представлено албанцами. Греческая православная церковь не отделена от государства, православные священники находятся на его обеспечении; православные праздники являются государственными, а религиозный церемониал является важной частью официального. Религиозный брак признается греческим государством, ему отдается явное предпочтение перед гражданской церемонией. Такое положение церкви закреплено в действующей конституции Греции, принятой в 1975 г., текст которой начинается со слов: «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы». [12] Эти обстоятельства являются определяющими с точки зрения восприятия греческим населением проблем, вызванных современными миграционными процессами.

В своей миграционной политике Греция должна руководствоваться указаниями Евросоюза, частью которого она является, и от которого зависит как политически, так и экономически. Эти указания побуждают либерализовать законы, касающиеся мигрантов и регламентирующие как их въезд в страну, так и их интеграцию в социальную и экономическую жизнь. Кризисные условия развития греческой экономики, приводящие к значительному росту безработицы, обеспечивают отток собственно греков в поисках работы за пределы страны. Период 2012-2018 гг. характеризовался ростом безработицы, которая на своем пике в 2014-2015 гг. достигала 27%. [8]

Исходя из этих причин, не является привлекательной Греция с экономической точки зрения и для недавно прибывших мигрантов, так и не сумевших найти себе работу с достойной оплатой, ввиду более низкого уровня образования и значительной конкуренции на рынке труда. Проведенные по настоянию Евросоюза реформы в области образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения ухудшили социальное положение самих греческих граждан. Поэтому, в настоящее время с проблемами трудовой миграции Греция не сталкивается. Среди вновь прибывших, обретающих греческое гражданство, большинство по-прежнему составляют албанцы; фиксируется также некоторое количество молдаван и украинцев. [7, с.79]

В своей политике относительно легальной миграции Греция опирается на документ под названием «Глобальный миграционный пакт ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции», принятый в конце 2018г., который, не имея обязательного характера, предлагает регулирование миграции в национальном, региональном и глобальном масштабах. [5] Данный документ вызвал большие разногласия в Евросоюзе, его не подписали Австрия, Болгария, Словакия, Польша, Венгрия и Чехия, которые заявили о неготовности исполнять весьма многочисленные обязательства по приему мигрантов и их интеграции в европейское общество. Для Греции, согласившейся с этим документом, такие обязательства невыполнимы по целому комплексу экономических и социальных причин, характеризующих уровень жизни в стране. Она не может позволить себе финансировать интеграционные и социальные программы, которые должны обеспечить мигрантов достойными условиями жизни, что приводит к расширению проблемы бедности этой группы населения и его маргинализации.

Гораздо более существенную проблему представляет для Греции миграция нелегальная. Миграционный кризис 2015г. вызвал значительное обострение миграционных проблем Греции, а также актуализировал традиционные противоречия между Грецией и Турцией. С побережья последней в страну хлынул поток нелегальных мигрантов, стремящихся либо закрепиться на новом месте, либо - что чаще - использовать Грецию как транзитное государство, для дальнейшего проникновения в более богатые страны Евросоюза с развитой системой социальной поддержки мигрантов. Греция, таким образом, стала защитником внешнего контура границ Евросоюза от проникновения нелегалов.

В 2015г. в Грецию в поисках лучшей жизни въехало около миллиона человек, основная масса прибыла на греческие острова Лесбос, Самос, Хиос, Додеканес. Нелегальные мигранты использовали морской путь, передвигаясь на переполненных, мало приспособленных для перевозки больших масс людей, судах. Для нескольких тысяч искателей лучшей доли этот путь стал последним. [3, с.162-163] Наибольшее количество беженцев прибыло из Афганистана, Ирака, Сирии. Согласно Дублинскому соглашению 1990г., которое регулирует предоставления беженцу убежища в странах Евросоюза, вопрос о таком предоставлении решает та страна ЕС, куда он въехал изначально. К тому же, Европейская конвенция о правах человека, в случае спасения беженцев в море, запрещает возвращать их в страну отплытия. Эти правила взвалили на Грецию непосильную ношу. [9] Поскольку отправной точкой для беженцев были берега

Турции, это еще больше усложнило и без того непростые отношения двух государств. Возникла реальная угроза превышения количества беженцев над постоянно проживающим населением.

Страны Южной Европы, не ощущая поддержки Евросоюза, были вынуждены решать миграционную проблему за счет собственного населения, что вызывало огромное неудовольствие и протесты последнего. Политические руководители Греции высшего звена, включая премьер-министра, признали массовый приток мигрантов неразрешимой проблемой для страны и глобальным вызовом 21 века. В ходе своего выступления на саммите европейско-арабского сотрудничества в 2019г. К. Мицотакис заявил, что на Грецию легла непосильная нагрузка в связи с резким ростом потока мигрантов и беженцев, и одна страна не может вынести на своих плечах проблему трех континентов. [14] Одновременно министр иностранных дел страны Н.Дендиас заявил, что Греция практически исчерпала все свои ресурсы по приему мигрантов и защите внешних границ Евросоюза, поэтому для решения этой проблемы необходимо участие всех его членов. Глава МИД Греции высказался за пересмотр правил предоставления убежища для того, чтобы ответственность за принятие беженцев распределялась более справедливо и не зависела от географического положения страны. Признавая большую роль Турции в решении проблем с беженцами, Н.Дендиас отметил, что Евросоюз, оказывая значительную материальную помощь Турции для сдерживания миграционных потоков (по 3 млрд. евро ежегодно), может рассчитывать на «...соответствующую ответственность за выполнение соглашений и обращение с беженцами и мигрантами» и неиспользование проблем с беженцами как инструмента давления на ЕС в целом, и Грецию в частности. [4]

Решительные заявления руководителей государства были вызваны массовыми протестами, в которых принимали участие не только граждане страны, испытывавшие сильный страх перед миграционными волнами, но и вновь прибывшие, недовольные условиями размещения. Убежища для беженцев на островах Эгейского моря оказались переполнены. Предназначенные для размещения 5 тысяч человек, они приняли более 35 тысяч. Из-за неравномерного распределения миграционной нагрузки среди стран Евросоюза, 85% беженцев осели в станах с низким и средним уровнем дохода, к которым относится и Греция, где бедными официально признаны более 20% граждан.[6, с.58] Греки призывают выработать механизм разделения ответственности и предпринимают отчаянные меры, как ,например, планы построения защитного барьера в Эгейском море, который будет препятствовать движению маломерных судов, наполненных нелегалами. [1]

Множество регионов Греции были охвачены протестным движением, причем, в протестах принимали участие не только рядовые граждане, но и представители местной администрации, как, например на о.Кос, где жители, мэр и чиновники устроили акцию протеста в порту и не дали высадить очередную партию мигрантов на острове, где их и так находилось более 4 тысяч. В начале 2020г. случился настоящий бунт на о.Лесбос, где вначале выступили местные граждане, а затем беженцы, которые были недовольны условиями содержания в переполненном лагере для беженцев «Мория». [1] На о.Хиос местные жители

выступили против строительства новых лагерей для беженцев, пытаясь заблокировать проезд строительной техники. Для разгона протестующих полиция применила жесткие методы. [2]

Миграционное законодательство Греции пыталось дать ответы на эти новые вызовы. Закон 2019г. ослабил гарантии при приеме беженцев и одновременно усилил возможности принудительных мер при их задержании. [3, с.164]

Международные правозащитные организации выразили свое недовольство подходом Греции к данному вопросу. Так, во время своего визита в страну Специальный докладчик ООН по вопросу положения правозащитников М.Лоулор раскритиковала подход греческого правительства к вопросу беженцев как к проблеме национальной безопасности. Она отметила, что такой подход создает среди мигрантов «атмосферу страха, включая опасения уголовного преследования» и назвала атмосферу по отношению к защитникам прав мигрантов в Греции «удушающей». [15]

Для исполнения Грецией обязательств по поддержке и безопасности беженцев, а также программы их возвращения в 2020 г. ЕС принял решение о выделении ей 700 млн.евро, которые, в основном, должны были пойти на улучшение пребывания их в специальных центрах. Евросоюз также обязался оказать помощь техникой для охраны морских и сухопутных границ. Это являлось особенно актуальным в связи с очередным открытием границ Турцией, через которые вновь хлынула волна мигрантов.[13] Опасаясь потерять поддержку Евросоюза в дальнейшем и нуждаясь в заполнении рабочих мест, на которые не претендуют собственные граждане, парламент Греции в декабре 2023г. принял закон о предоставлении трехлетних видов на жительство и разрешений на работу 30 тысячам нелегальных мигрантов, проживавшим в стране, подчеркнув, что это является разовой акцией. Критики закона сочли, что подобные акции будут и в дальнейшем провоцировать нелегалов проникать в Грецию. [11]

Миграционная политика Греции в настоящее время соответствует основным направлениям ЕС. Закон 2019г., который критиковали в ЕС, был изменен в сторону смягчения. В Греции начала действовать национальные программы социальной интеграции беженцев и оказания помощи детям беженцев и мигрантов. Вместе с тем, государство активно добивается изменения Дублинского регламента. Ситуация с миграцией и беженцами смягчается тем фактом, что незначительное их количество стремятся остаться в Греции, большинство же мечтают о переезде в более богатые государства Евросоюза, например, Германию, и Великобританию. Ослаблению остроты социальной ситуации, вызванной массовой миграцией, способствует сокращение потока жажущих переселиться в ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Васильева М. Острова невезения: как Греция приняла удар на себя. Южная Европа не ощущает поддержки ЕС в решении кризиса с беженцами. [Электронный ресурс] /М.Васильева – Режим доступа: <https://iz.ru/974537/mariia-vasileva/ostrova-nevezeniia-kak-gretciia-priniala-migracii-udar-na-sebia>

2. В Греции произошли беспорядки против строительства лагерей для мигрантов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/foto/721959-greciya-migranty-stolknoveniya?ysclid=ltfwj444nt352668320>

3. Власова К. Противодействие нелегальной миграции в Греции. / К. Власова // Современная Европа. – 2019 – №6 – С.161–171

4. Глава МИД страны Никос Дендиас призвал европейских партнеров взять на себя ответственность за решение общей миграционной проблемы: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7221483?ysclid=ltfm82oisc460552319>

5. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbdl416/files/docs/gcm_russian.pdf

6. Говорова Н. Десять кризисных лет в Греции: результаты в социально-трудовой сфере. / Н. Говорова // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018 – №4 – С.56–60

7. Говорова Н. Мигранты в Греции: положение на рынке труда и социальная инклюзия. / Н. Говорова // Современная Европа. – 2019 – №5 – С.78–88

8. EREPORT.RU [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=greece&table=ueecia&time=2&ysclid=lt0dpclx71776277784>

9. Конвенция, определяющая государство, ответственное за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейских Сообществ (Дублинская конвенция). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/eucommission/1990/ru/36990>

10. Население Греции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mygreece.online/strana/naselenie-gretsii.html#i-18>.

11. Парламент Греции принял закон, легализующий пребывание 30 тыс. незаконных мигрантов [Электронный ресурс] Режим доступа: – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19585457?ysclid=ltfzrb0quz898976606>

12. Полный текст конституции Греции на русском языке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rua.gr/law/others/3176konstitucziyagreczii.html?ysclid=lt04obnhxh6381429>

13. Помощь ЕС Греции пойдет на центры для беженцев и их репатриацию [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20200304/1568159284.html>

14. Премьер-министр Греции считает миграционную проблему непосильной для страны. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20191029/1560367812.html>.

15. Эксперт ООН: миграционная политика Греции оказывает «удушающее воздействие» на правозащитников. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426342>

16. Население Греции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mygreece.online/strana/naselenie-gretsii.html#i-18>.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В ГРУППЕ КОМПАНИЙ СФЕРЫ АВИАЦИОННЫХ УСЛУГ

**И.С. КАДНИКОВА, АСПИРАНТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ «НИНХ»**

Сфера авиационных услуг является одной из основополагающих в условиях современного общества. При этом, традиционно анализу и оценке подвергаются бизнес-показатели успешности и не учитываются моменты, касающиеся корпоративной культуры. Предположительно, подобное упущение может быть существенным, так как результаты эффективности профильной деятельности не могут возникать вне среды, которой выступает корпоративная культура. Автор ставит своей целью выявление её роли и места в сфере авиационных услуг. Для чего формулируются основные задачи: рассмотреть сущность корпоративной культуры в рамках обозначенного социального сегмента и исследовать ее особенности посредством проведения эмпирических исследований.

Опираясь на существующий интегративный подход к интерпретации корпоративной культуры, автор понимает ее как «некое зеркало, отражающее стиль руководства, уровень взаимодействия сотрудников, особенности поведения персонала, степень профессиональной и этически–моральной характеристики коллектива, что отражается на эффективности функционирования организации в целом.» [Ошибка! Закладка не определена.] Транслируя данные тезисы на сферу авиационных услуг, целесообразно рассмотреть каждый элемент как самостоятельный, а затем оценить их совокупное проявление.

В качестве объектов исследования были выбраны 2 представителя соответствующего направления деятельности: Группа компаний «Аэрофлот» [Ошибка! Закладка не определена.] и Группа компаний «S7» [Ошибка! Закладка не определена.], вошедшие в пятерку лидеров по упоминанию в СМИ за 2023 год. [Ошибка! Закладка не определена.]

На сайтах групп компаний автор замечает наличие «Этического кодекса S7» и «Кодекса корпоративной этики Аэрофлот», содержание которых демонстрирует схожесть актуальных приоритетов и проявляет их взаимозависимость внутри. С точки зрения формирования и поддержания корпоративной культуры, эти документы следует рассматривать как значительно влияющие на стандарты поведения для всех сотрудников и руководителей, определяющими принципы честности, уважения, ответственности и взаимодействия. С их помощью возникает возможность создать атмосферу доверия и уважения внутри, повлиять на эффективность коммуникации и сотрудничества, а также повысить репутацию группы компаний в глазах клиентов, партнеров и общества в целом. Обобщенные таким образом

составляющие корпоративной культуры не только обозначаются, но и гармонизируются между собой.

Обращаясь к элементу «стиль руководства», следует рассмотреть структуру социальной группы. В ней находит отражение степень проявления уровня свободы в принятии тех или иных решений. Автор отмечает, что обе группы компаний делегируют определенные ключевые функции в отдельные организации, которые входят в ее состав, но при этом являются самостоятельными юридическими лицами. Тем самым косвенно подтверждается тенденция, свойственная партисипативному стилю управления. В данном случае, происходит привлечение подчиненных к постановке целей, приоритетен обмен информацией, а возникающие конструктивные предложения активно используются. Автор отмечает, что такая особенность свойственна именно группе как совокупности организаций, и не обязательно распространяется на стиль управления внутри каждой отдельной организации. Исходя из этого, руководитель группы должен выстраивать взаимоотношения на доверии, открытости, готовности делегировать и оставлять за собой только общие контролирующие функции. Данное наблюдение было подтверждено опубликованными результатами интервью с лидерами групп. *«С точки зрения корпоративного управления вряд ли что-то изменилось... Наверное, стало больше контактов и обсуждений вне структуры корпоративного управления... Стали больше жить общими проблемами, общими целями. Проводим еженедельные совещания, в которых принимают участие гендиректора дочерних компаний.»* (С. Александровский) [**Ошибка! Залка не определена.**] Относительно Группы компаний «S7» в СМИ прямого комментария руководителей найти не удалось. При этом, в одном из интервью Д.Куделькина, общая позиция была обозначена: *«В группе компаний S7 работает около трех тысяч инженеров и авиационных техников, и они «знают свое дело».»* [**Ошибка! Залка не определена.**]

Резюмируя характеристику элемента «стиль руководства», следует отметить, что он включает методы и подходы, с помощью которых руководители управляют своими подчиненными. Он отражает возможные способы принятия решений, уровень доверия и автономии, приверженность лидеров определенным ценностям, их способность инспирировать и мотивировать коллектив.

Элементы «уровень взаимодействия сотрудников» и «особенности поведения персонала» автор не разграничивает и рассматривает как взаимодополняющие. Предварительно предполагалось, что коммуникационные аспекты зависят от характера занимаемой должности, а поступки и манеры способны либо проявиться через нее, либо раскрыть слабые стороны личности. В январе 2024 года автором проводилось интервью сотрудников – представителей групп компаний. Респондентам среди прочих задавался вопрос: *«Что такое эффективная коммуникация в группе компаний и как она зависит от должности?»* Ответы, во многом, пересекались, но среди них удалось выделить значимые особенности: *«Это взаимопонимание. Оно, наверно, больше зависит от человека, а не от должности»* (жен., 36 л., S7), *«Это когда все хотят взаимодействовать в команде; каждый важен»* (жен., 38, S7), *«Когда можно*

друг другу доверять: хоть коллеге, хоть руководителю.» (жен., 45, Аэрофлот), «Это, когда все и каждый соблюдают правила и договоренности и не надо бояться, что что-то пойдет не так.» (муж., 31 год, Аэрофлот) Интервью заставило усомниться в определяющей степени должности в коммуникативном ключе. Характер поведения обусловлен, главным образом, чертами личности.

Исходя из сделанного вывода, элемент «степень профессиональной и этически–моральной характеристики коллектива» приобретает особый вес. В его основе находятся индивидуальные параметры личности: принципы, нормы, идеалы и другое. В результате ранее отмеченного интервью удалось раскрыть и конкретизировать какие этические и моральные категории имеют значение для сотрудников групп компаний сферы авиационных услуг. *«Важна человечность. Здесь нужно всегда помнить о других.» (муж., 26 лет, S7), «Ответственность. Без нее в авиации работать нельзя.» (муж., 32 года, Аэрофлот).*

Следовательно, профессиональные и этически-моральные характеристики коллектива отражают уровень этики, честности, ответственности и профессионализма, которые сотрудники способны продемонстрировать в своей работе и во взаимодействии друг с другом. Это расширяет границы от простого выполнения своих обязанностей, требуемого соблюдения этических норм до проявления уважения и поддержки в отношении всех членов команды на основе внутренней потребности участников корпоративной культуры так действовать.

В ответах респондентов отмечается ориентир на необходимость обеспечивать высокий уровень безопасности. Этот фактор является уникальным, свойственным для корпоративной культуры именно группы компаний сферы авиационных услуг. Специфика отрасли предполагает его первостепенную и наивысшую ценность, поэтому данная особенность находит отражение во всех аспектах корпоративной культуры, является неотъемлемой частью идентичности авиационных компаний. Компонент безопасности требует от сотрудников осторожности, строгого соблюдения процедур и стандартов, а также высокой степени ответственности за свои действия, приверженности к миссии данной социальной группы. Её высокая деловая эффективность возможна только при соизмеримом соотношении единицы безопасности в канве каждого из элементов корпоративной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чижикова О.А. Корпоративная культура: от теории к практике: сборник науч. трудов. СПб: 2014. – 356 с.
2. Компании Группы Аэрофлот // Сетевой ресурс: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/about/subsidiaries> (дата обращения 16.02.2024)
3. Наши компании // Сетевой ресурс: <https://www.s7.ru/ru/info/o-kompanii/> (дата обращения: 16.02.2024)
4. Медиарейтинг компаний | 2023 год // Сетевой ресурс: <https://www.aviaport.ru/news/mediareyting-kompaniy-2023-god/> (дата обращения 16.02.2024)

5. Интервью Сергея Александровского // Сетевой ресурс: <http://www.shpls.org/press/news/2895/view/> (дата обращения 16.02.2024)

6. Глава S7 Group заявил о непростых задачах в вопросе поставок авиазапчастей // Сетевой ресурс: <https://lenta.ru/news/2023/04/25/s7group/> (дата обращения 16.02.2024)

ДОВЕРИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

ЛЫКОВ А.В., КАНД. ИСТ. НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ,
КУЛЬТУРОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

ФГБОУ ВО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Проблема доверия – одна из важнейших в обществе. На доверии основано множество социальных связей и отношений. Оно существует во всех сферах жизнедеятельности и на всех уровнях социальной организации – в экономике, политике, культуре, семье, общностных и личных отношениях, в микро- и макросоциальных процессах. Доверие – необходимый элемент социальной жизни, без которого невозможно объединение людей в социальные группы и организации и их успешное функционирование. В общем смысле доверие – это уверенность в чьей-либо добросовестности и искренности, а также в правильности чего-либо (например, какая-то информация внушает либо не внушает доверие). Доверие – это и вера субъекта в то, что люди будут вести себя в соответствии с его ожиданиями.

Можно утверждать, что доверие присуще человеку уже в силу его социальной природы, ибо человек – существо общественное, коллективное. Предпосылкой возникновения доверия (как и социальных связей вообще) выступает тот простой факт, что люди зависят друг от друга. Чтобы жить и удовлетворять свои потребности, люди вынуждены сообща трудиться, взаимодействовать и сотрудничать. Организация социальных связей, отношений, объединений и процессов с необходимостью предполагает и доверие. Как важный элемент общения и коммуникации, доверие повышает сплочённость социума, обеспечивает его сохранение и выживание в самых разных, даже неблагоприятных, условиях. Более того, в кризисных и сложных для общества условиях значимость фактора доверия между людьми возрастает. Значит, доверие и сплочённость являются социальной ценностью и общественным благом.

Но насколько высоким должен быть уровень доверия в обществе? Известно, что в природе человека (как и в общественном сознании) имеются основания не только для добра и доверия, но и для противоположных характеристик личности. Не случайно китайский мудрец Сюнь-цзы (III в. до н.э.) считал, что, «когда человек вежлив и уступчив, это противоречит его природе» [1, с. 213]. Доверие (готовность доверять) как свойство индивида в этой логике размышлений также не соответствует природе человека. Латинское крылатое выражение «*Homo homini lupus est*» (человек человеку – волк), фиксируя несовпадающие интересы людей, свидетельствует о распространённости критического взгляда на проблему доверия в древнеримском обществе. О «войне всех против всех» как состоянии человечества в догосударственную эпоху писал в Новое время английский философ Т. Гоббс. Конечно, имеются и противоположные высказывания мыслителей прошлого, отражающие их понимание противоречивости природы человека, его намерений и поступков.

Современные исследователи говорят о необходимости иметь в обществе не максимальное, а оптимальное доверие [2, с. 58]. Избыточное (а тем более слепое) доверие не только не эффективно, но и опасно, ибо способно нанести серьёзный моральный, материальный и иной ущерб. (За исключением ситуации, когда так называемое слепое доверие близким людям выполняет функцию защиты и воспроизводства социально-психологического пространства [3, с. 32].) Большими издержками чревато необоснованное, ошибочное доверие в отношениях между людьми, группами, организациями и государствами. Предпочтительно рациональное доверие, основанное на объективных факторах. Для успешного функционирования общества необходимо не абсолютное доверие, а определённый баланс доверия и недоверия. Косвенное подтверждение эта мысль находит в народной мудрости, выраженной пословицей «Доверяй, но проверяй». Объективно в каждом обществе складывается своя культура доверия и культура недоверия.

Из множества ситуаций, требующих осторожности и недоверия, формируется специфическая культура недоверия. Она определяется как комплекс ценностей и установок общественного сознания, формируемый на основе представлений о презумпции нечестности и ненадежности большинства участников социальных отношений и взаимодействий [4, с. 128]. Как элемент социального поведения недоверие необходимо человеку для выживания в любом обществе – стабильном или кризисном. В современном обществе, характеризующемся многочисленными рисками, неопределённостью и динамикой, недоверие (как и доверие) выступает особо значимым фактором. Оно необходимо как в ситуациях простых, повседневных (например, не все участники дорожного движения придерживаются строгих правил), так и более сложных, институционально-системных (недоверие к политическим и идеологическим противникам, к субъектам рынка или к финансовым пирамидам). История полна примеров культивирования недоверия в разных обществах на институциональном уровне (к внутренним и внешним врагам, этническим и конфессиональным группам, геополитическим и экономическим конкурентам, враждебным государствам и т.д.). Недоверие там, где оно обосновано и необходимо, функционально. Как и доверие, оно является социальной ценностью и играет позитивную роль. Индивиды и группы, вступая в социальное взаимодействие, оказываются в ситуации выбора стратегии своего личного и социального недоверия или доверия.

Понятие доверия имеет глубокие исторические корни, уходящие в античность. В последующие века категория доверия претерпела длительную интеллектуальную эволюцию, к которой оказались причастны Дж. Локк, А. Смит, И. Кант и многие мыслители более позднего времени. Они выступали с философскими, этическими, культурологическими, политологическими и иными трактовками доверия. А. Смит, например, считал доверие врождённым чувством, которое впоследствии ограничивается приобретаемым жизненным опытом в процессе социализации ребёнка. Первоначально доверие как категория морали изучалось в рамках этики [5, с. 27], затем интерес к нему был проявлен в социологии, психологии, политологии, экономике и других отраслях

обществознания. Со второй половины XX века в социально-гуманитарном знании формируется повышенный интерес к проблеме доверия, сохраняемый до настоящего времени. Исследование данной тематики приобретает междисциплинарный и полидисциплинарный характер. Предметный плюрализм в исследовании доверия имеет несомненные достоинства: позволяет применить различные методологические подходы, комплексно исследовать данную проблематику и реализовать интегративную функцию в изучении доверия. Так, междисциплинарный анализ на пересечении социологического, психологического, социально-психологического, экономического, морального, профессионально-этического, образовательного и управленческого знания успешно продемонстрировали авторы коллективной монографии, посвящённой исследованию доверия в российском высшем образовании [6]. В то же время, межпредметный анализ создаёт и методологические затруднения. Например, до сих пор отсутствует общее для всех отраслей социогуманитарного знания определение доверия, по-разному трактуются структура и виды этого явления.

За время исследования доверия создано большое количество работ, посвящённых различным аспектам этого феномена. Вероятно, наиболее фундаментальные исследования доверия, начиная с последней трети XX века, были реализованы в социологии. Итогом усилий учёных стало формирование социологии доверия как особой отрасли социологического знания. Теоретические основания социологии доверия заложили классики социологической мысли Ф. Тённис и Э. Дюркгейм. В своей главной работе «Общность и общество» (1887) Тённис охарактеризовал отличительные черты традиционного и современного (индустриального) общества. Основой общности (традиционного общества) выступают семья, родство, соседская община, религия, дружба и личное доверие. В современном обществе преобладают формальные институты – политика, торговля, промышленность, деньги, согласованные правила (конвенции). Здесь начинает доминировать овеществлённое (обезличенное) доверие [7]. Дюркгейм в рамках своей социологии обосновал идею о додоговорных (внедоговорных) началах - необходимых правилах, управляющих исполнением договора и не являющихся предметом договора [8, с. 86]. Доверие в этой концепции выступает важным элементом социального порядка, обеспечивающим уровень сплочённости, необходимый для нормального функционирования общества. С этого времени идея важности доверия для жизнедеятельности общества стала признанной в социологии.

Интенсивность исследования доверия в социологии заметно выросла в последней трети XX – начале XXI века. Большой вклад в разработку социологии доверия внесли такие крупные учёные, как Н. Луман, Б. Барбер, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма, П. Штомпка, Б. Миштал, А. Селигмен, У. Бек, М. Грановеттер, Дж. Тернер, Дж. Коулмен, Ч. Тилли и др. Среди российских исследователей, обратившихся к анализу проблематики доверия позднее зарубежных коллег, в основном начиная с рубежа XX–XXI вв. - Ю.В. Веселов, Е.В. Капусткина, П.М. Козырева, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада, В.А. Давыденко, В.В. Радаев, Н.Г. Скворцов, А.А. Шабунова, О.В. Китайцева, А.В. Кученкова, А.Б.

Купрейченко, И.В. Мерсиянова, Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, Е.А. Шуклина, И.Ю. Жилина, Н.Н. Зарубина, А.В. Носкова, А.Л. Темницкий, Е.В. Реутов, Г.Ф. Ромашкина, Д.А. Авдеева и др. Главным результатом исследований зарубежных и отечественных учёных за последние три десятилетия стало не только нарастание числа публикаций по данной тематике, но и многоаспектная разработка доверия как необходимого элемента практических всех видов социальных отношений и взаимодействий.

Социологический подход основное внимание уделяет определению понятия доверия, раскрытию сущности, структуры и социальных функций этого феномена. О доверии как явлении не традиционного, а современного общества, пожалуй, первым ещё в конце 60-х годов заговорил немецкий социолог Н. Луман. В обществе модерна появляется фактор неопределённости в поведении чужих, незнакомых людей, возрастают опасности и риски. Согласно Луману, доверие в таком обществе – не вера, не чувство, а расчёт, оно должно быть рациональным, способным решать проблему ненадежности и риска в ходе ежедневных интеракций межличностной и социальной коммуникации. Э. Гидденс в определении, ставшим классическим, охарактеризовал доверие как уверенность в надёжности человека или системы [2, с. 57, 59; 9, с. 171]. Следовательно, Гидденс различает доверие к людям и доверие к абстрактным системам. А. Селигмен обнаружил у Гидденса тройственную классификацию: доверие к личностям, доверие к институционализированным личностным связям (базирующимся на системе ролевых ожиданий) и доверие к абстрактным системам [10, с. 13].

В 1990-е годы были созданы фундаментальные социологические теории доверия Ф. Фукуямы, Б. Мишталъ, А. Селигмена, П. Штомпки, в которых нашли отражение самые разнообразные аспекты и проявления этого феномена. Фрэнсис Фукуяма, ставший широко известным после публикации работы «Конец истории», в своей новой книге определил доверие как общественное благо и путь к процветанию [11]. Для него доверие (как индивидуальное, межличностное, так и социальное – к общественным институтам и государству в целом) – ключевой элемент культуры, обеспечивающий прогресс общества. От уровня доверия, существующего в обществе, согласно Фукуяме, зависит в первую очередь экономическое благосостояние.

Адам Селигмен, как и Луман, считает доверие феноменом исключительно современного общества, однако начало современности относит к XVI- XVII вв. [9, с. 171; 12, с. 132]. Современный характер доверия Селигмен связывает с рыночной экономикой, социальной дифференциацией и разделением труда. Нарастание этих процессов приводит к сложной ролевой дифференциации (и плюрализации ролей), что в свою очередь порождает ситуацию неопределённости и выбора и требует замены прежней веры новым доверием. Он так определяет это явление: «доверие есть нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, что, возможно, может быть названо «открытыми пространствами» ролей и ролевых ожиданий» [10, с. 21]. По Селигмену, доверие как ожидание

соответствующего ролевого поведения, это то, что помогает снизить риски ежедневных интеракций открытого коммуникационного пространства.

В фундаментальном труде П. Штомпки доверие характеризуется как базовый аспект социальной жизни, необходимый для ежедневных интеракций в современном обществе. Учёный трактует доверие как актуальный ресурс, «человеческий мост над пропастью неуверенности», «своеобразный протез», помогающий выживанию в мире неопределённости [13, с. 31, 112]. Определяя доверие как «способ приручения риска и противодействия неуверенности» [там же, с. 111], Штомпка сближается с позицией Дж. Коулмена – автора теории рационального выбора. Он соглашается с мнением, что доверие – это вероятностное действие (выбор доверия либо недоверия) в условиях неопределённости и риска. Однако сам этот выбор, по Штомпке, «погружён» в культурно-историческую среду и является следствием социальной эволюции. Из совокупности индивидуальных выборов вырастает культура доверия всего общества. Но если личный «импульс доверия является продуктом биографии», то «культура доверия является продуктом истории», – подчёркивает автор. Культура доверия представляет собой систему правил, норм и ценностей, связанных с доверием и надёжностью [там же, с. 243, 244]. Глубокий анализ культуры доверия, факторов её складывания в рамках общей культуры социума (на чём делается особый акцент) – одна из отличительных особенностей социологической теории Штомпки.

Благодаря глубоким теоретическим разработкам Штомпки и других учёных, созданию методологических основ и обширного понятийного аппарата, связанного с тематикой доверия, мы имеем достаточные основания для того, чтобы сделать вывод о появлении в социальной науке новой отрасли социологического знания – социологии доверия. В российской социологии рост интереса к доверию в первые десятилетия XXI в. привёл к появлению многочисленных публикаций по данной тематике. В них нашли отражение самые разные теоретические и прикладные аспекты проблемы доверия.

В теоретическом отношении большой интерес представляет трактовка доверия, предложенная руководителем «Левада-центра» Л.Д. Гудковым. Он определяет доверие как сложный социальный феномен, форму закрытого (ибо оно опирается на разные смысловые основания) социального взаимодействия, ориентированного на высокую вероятность того, что действия партнёров (индивидов, социальных групп или даже институтов) будут соответствовать ожиданиям, «основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых представлениях». Доверие выступает социальным механизмом, характеризующим эффективность и значимость различных институтов общества, институциональные нормы взаимодействия и определяющие их пласты культуры [14, с. 19, 20, 25, 41]. Разные виды доверия, согласно мнению учёного, распространены в обществе весьма неравномерно и представляют собой институционализированный социальный капитал, а значит, соотносятся с разными сетями общения и взаимодействия, образами жизни и потребления,

ожиданиями и оценками событий и с разными моделями политического поведения субъектов доверия [там же, с. 26]. Развитие социального капитала и становление форм доверия, соответствующих его современному типу, усложнение социальной структуры и появление новых форм социальной регуляции выступают значимыми факторами прогресса социума, - подытоживает учёный.

Идея взаимосвязи доверия и социального капитала оказалась весьма продуктивной и заняла достойное место в социологии доверия. Социологический подход предполагает анализ взаимосвязи видов социального доверия с институционализированным социальным капиталом. Учёные, опирающиеся на парадигму социального капитала, внесли серьёзный вклад в исследование феномена доверия. Теория социального капитала, введённая в научный дискурс ещё в 80-е годы прошлого века французским социологом П. Бурдьё, была развита в работах Дж. Коулмэна, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, В.В. Радаева и др. Однако до настоящего времени в науке отсутствует общепринятое определение социального капитала. Одни исследователи пишут о персональном социальном капитале и признают его (а, следовательно, и доверие) личным ресурсом (и личным благом), используемым для достижения своих целей [3, с. 348, 349; 15]. Другие подчёркивают общественную природу социального капитала. Они делают акцент на том, что в отличие от культурного и человеческого капитала, социальный капитал не является принадлежностью отдельного человека, носит групповой характер, связан с членством индивида в группе, с его интегрированностью в сети социальных связей и отношений [16, с. 17].

Этой позиции придерживаются многие известные социологи. Коулмэн понимает социальный капитал как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностной коммуникации. У Патнэма социальный капитал выступает элементом механизма взаимодействия и сотрудничества членов сообщества, что способствует взаимной выгоде. По мнению Фукуямы, социальный капитал возникает в результате наличия доверия между членами общества, создаваемого с помощью культурных механизмов, то есть представляет собой потенциал институционализированного доверия [8, с. 87; 11]. Согласно концепции Радаева, социальный капитал - это совокупность отношений (и действий), связанных с добровольным выполнением своих обязательств субъектами коммуникации. Одновременная концентрация ожиданий и обязательств и есть доверие [16, с. 17].

Таким образом, социальное доверие и социальный капитал – взаимосвязанные и взаимообусловленные факторы коммуникации. Доверие выступает одним из оснований (и источников) социального капитала наряду с социальными нормами взаимности (доброжелательность, искренность, ответственность, толерантность и т.д.) и социальными сетями. Чем выше уровень доверия и солидарности, чем чаще люди (индивиды и группы) обращаются за поддержкой к социальным сетям (связям) ради взаимопомощи и сотрудничества, тем быстрее и больше растёт общественный капитал. И наоборот, чем больше объём социального капитала, тем выше уровень доверия и солидарности в социуме – важных факторов прогресса общества.

В русле теории социального капитала в обществоведении получил широкое распространение ещё один методологический подход к анализу проблемы доверия – сетевой. Он направлен на исследование связи видов доверия с типами социального капитала. Категория «социальные сети» в этом подходе приобретает дополнительное и более глубокое содержание. Это произошло во многом благодаря М. Кастельсу, реализовавшему на рубеже XX - XXI вв. серию масштабных и глубоких социологических исследований. Характеристика Кастельсом современного общества как информационного и сетевого через призму нового методологического подхода позволяет раскрыть сущность и значение глобальных сетевых структур и доверия в жизни людей. Стремительное развитие новых информационных технологий привело к доминированию горизонтально ориентированных сетевых структур (как элемента социального капитала) во многих видах коммуникации. Доверие здесь понимается (и анализируется) как социальный капитал, сосредоточенный в сетях отношений или, точнее, в системе социальных отношений и взаимодействий акторов в форме социальных сетей.

В социальных сетях складываются два типа социальных связей – «сильные» и «слабые». Им соответствуют разные типы доверия и социального капитала. Характер связи измеряется совокупностью процессов внутри сети: длительностью, эмоциональностью, интенсивностью и содержательностью контактов, доверительностью, взаимностью и т.д. «Сильные связи» создаются в пространстве семьи, родственников, близких друзей, порождают малый радиус доверия и социальный капитал закрытого типа. Напротив, «слабые связи» (среди знакомых, коллег, приятелей, соседей) имеют большее значение. Они способствуют расширению круга доверия и складыванию социального капитала открытого типа [17]. В этом случае отношения доверия позволяют сети воспроизводить социальный капитал как ресурс взаимодействующих индивидов и социальных групп. Доверие позволяет не только воспроизводить социальный капитал, но и использовать его в собственных интересах, открывая индивидам и группам доступ к дефицитным ресурсам общества. Доверие можно считать эмпирическим индикатором социального капитала, его специфическим признаком [16, с. 17]. А высокое значение доверия делает его эквивалентом социального капитала. Доверие выявляет объём социальных ресурсов той или иной социальной группы, что делает его показателем и общественного статуса группы, и степени интеграции этой группы в социальной системе всего общества.

Указанные теории и методологические подходы показали высокую эффективность в анализе феномена доверия, но не привели к единству мнений учёных по многим узловым вопросам. Степень расхождения взглядов варьируется от небольшой до значительной. Примером последней является трактовка структуры доверия. Исследователи по-разному определяют структуру доверия, руководствуясь разными базовыми теориями, подходами и гипотезами. Все едины лишь в том, что доверие – многоликое социально-психологическое явление со сложной структурой. Если обобщать заявленные в литературе категории, обозначающие, по мысли авторов, элементы доверия, то перечень

этих элементов окажется довольно внушительным. Речь идёт о внутренней структуре доверия, ибо внешнюю структуру составляют виды доверия в обществе.

Доверие как комплексное явление включает в себя, прежде всего, социально-психологические, социокультурные, а также и политико-институциональные компоненты (например, в пространстве политического или иного институционального доверия). В другом перечне к эмоционально-психологическим и культурно-ценностным компонентам доверия авторы добавляют социально-экономические, прагматические, когнитивные и знаково-символические элементы. В числе важнейших компонентов доверия доминируют элементы, относящиеся к психологической и ценностной основе социальных отношений, это - уверенность (в надёжности человека или абстрактной системы), в другом толковании это вера (в добросовестность, порядочность и взаимность), и ожидание (взаимности и соответствующего поведения контрагентов). Так как доверие имеет рациональный, деятельностный и вероятностный характер, то его важным элементом является действие. Социологи не случайно делают акцент на доверии как социальном взаимодействии. К этим трём важнейшим элементам доверия нередко добавляются в литературе и такие, как установка, отношение (к людям и ситуациям), чувство, общественное и групповое настроение, личностное и групповое свойство, компетенция, социальная ситуация и социальная проблема, процесс социального обмена, процесс передачи информации и других благ и т.д. [3, с. 26]

П. Штомпка, определяя доверие как социальное действие и отношение между людьми, выделяет в его структуре на уровне личности три аспекта: во-первых, ожидание субъектом добросовестного поведения других; во-вторых, ответное обязательство самого субъекта; в-третьих, взаимное ограничение собственных интересов субъектов взаимодействия, т.е. проявление солидарности [13; 6, с. 71]. Близко к Штомпке, но в несколько расширенном варианте, приводится в литературе со ссылками на С. Касталдо такой перечень элементов межличностного доверия: 1) ожидание исполнения обещаний; 2) готовность положиться на партнера с наличием определённой доли риска; 3) уверенность или убеждение в честности и доброй воле партнёра и 4) определенная социальная установка на добросовестные и честные социальные отношения и взаимодействия [16, с. 23]. Возможны и другие варианты структурного анализа доверия.

Большое место в методологическом исследовании доверия занимает анализ его видов (типов). Типология социального доверия достаточно глубоко разработана в научной литературе. Анализ систематики доверия способствует лучшему пониманию взаимосвязи различных видов доверия и выявлению всей внешней структуры этого сложного феномена. Существуют разнообразные авторские трактовки типов и видов доверия, дающие в целом его релевантное отражение. При этом исследователи, руководствуясь различными основаниями для классификации, используют категории «типы» и «виды» доверия без их чёткого различения. С позиции социально-исторической динамики выделяются

два типа доверия – традиционное и современное. На протяжении длительного исторического времени трансформация доверия осуществлялась от доверия патриархального и личностного типа в аграрно-традиционных обществах к доверию безличному, ролевому и институциональному в индустриально-городских обществах. В постиндустриальную эпоху происходит трансформация институционального доверия за счёт резкой интенсификации сетевого взаимодействия (в результате формируется сетевое общество) и развития цифровых технологий. В современном обществе актуализируются новые виды (типы) доверия – сетевое и цифровое (доверие цифровым системам и технологиям). Сетевое доверие теперь – это доверие людей в цифровых социальных сетях [см.: 2; 18].

П. Штомпка, преимущественно используя в качестве критерия обозначение адресатов доверия, выделил следующие его виды. Личное доверие – контактное и виртуальное (другие авторы дополнительно могут использовать категории «индивидуального» и «персонального» доверия). Другой вид – категориальное доверие представителям половозрастных, образовательных, расовых, этнических групп и т.д. Этот ряд продолжают групповое доверие (конкретной группе) и позиционное (доверие социальным ролям). Ещё два вида доверия связаны с институтами и организациями: институциональное (доверие социальным институтам и процедурам) и коммерческое (доверие фирмам, производителям продукции и пр.). Отдельно Штомпка выделяет системное доверие (социальным порядкам и политическим режимам) и анализирует его действие в сферах автократии и демократии [13].

Авторы коллективной монографии (Г.Е. Зборовский и др.), исследуя внешнюю структуру доверия в высшем образовании, выделяют такие его виды. Это индивидуальное (личное) и межличностное, внутригрупповое и межгрупповое (по направленности социальных взаимодействий), внутриобщностное и межобщностное (в отношении образовательных общностей), организационное и институциональное, формальное и неформальное доверие [6].

Среди имеющихся трактовок видов доверия преобладают классификации доверия по уровню взаимодействия. И тогда различают 1) межличностное, 2) межгрупповое, 3) институциональное и 4) обобщенное доверие. Межличностное доверие обращено к конкретному индивиду (или группе) и основано на ожиданиях, связанных с этими субъектами взаимодействия. Оно включает подвиды, которые объясняются по-разному. Одни авторы выделяют два подвиды: а) доверие членам семьи, родственникам близким друзьям; б) доверие знакомым, соседям, коллегам по работе. В ином варианте второй подвид выделяется в самостоятельное «общественное доверие» (коллегам и другим коммуникаторам, не входящим в круг родственников и близких друзей). Другие авторы разделяют межличностное доверие на а) партикуляризированное (частное) доверие близким и другим лично знакомым людям и б) доверие чужим, незнакомым людям, встречаемым впервые.

Межгрупповое доверие предполагает доверие между конкретными социальными группами (общностями). Институциональное доверие

(экономическим, политическим, культурным и другим институтам) обращено к любой подсистеме общества. Оно дополняется системным доверием абстрактным системам – денежной, технической, цифровой (цифровое доверие), системам знания и т.д. Обобщённое (или генерализированное) доверие – мировоззренческая позиция индивида, отражающая культуру доверия социума. Оно формируется в процессе первичной социализации и аккумулирует жизненный опыт человека. Обобщённое доверие также называют системным (феномен макроуровня), социальным и деперсонализированным. Оно обращено к любому неизвестному индивиду (или группе), другим людям вообще (обобщенному другому) и выражается вопросом «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять?». Некоторые авторы представляют обобщённое доверие как разновидность межличностного и пишут о межличностном обобщённом (генерализированном) доверии.

Большинство исследователей считает, что в российском обществе существует высокий уровень семейно-родственного (и дружеского) доверия и невысокий уровень обобщённого доверия к людям в целом. А именно последний вид доверия считается в современной социальной среде наиболее актуальным и важным, характеризующим степень «общественного здоровья». В целом разные виды доверия образуют спектр от индивидуального (личного) до обезличенного (абстрактного) доверия и указывают, по выражению Л.Д. Гудкова, «на многообразии механизмов и оснований солидарности в обществе» [14, с. 41]. С фактором солидарности связана и проблема функциональности доверия.

Вопрос о функциях и дисфункциях доверия и недоверия имеет принципиальное методологическое значение, и он хорошо отражён в научной литературе. В монографии П. Штомпки ему посвящена отдельная глава. Сюжеты с оценкой роли доверия и недоверия в обществе присутствуют практически во всех работах данной тематики. Социальные функции доверия многообразны. С ростом доверия в обществе учёные связывают экономическое и социальное развитие - доверие снижает трансакционные издержки в экономике (издержки обмена) и социальной сфере (издержки социального взаимодействия). Рост социального доверия способствует успехам в науке и образовании, инновационном развитии и проведении реформ, содействует снижению общественных рисков, увеличению общественного и личного капитала, формированию социальной безопасности, стабильности и порядка. На индивидуальном уровне доверие способствует успеху ежедневных коммуникаций, формированию чувства социальной справедливости и личного благополучия. На групповом уровне доверие выполняет регулятивную, интегративную и другие функции. В целом все виды доверия в современном обществе действуют как посреднический механизм, определяющий и регулирующий социальные взаимодействия, и повышающий согласованность социальных порядков различных институциональных систем.

П. Штомпка обращает внимание на «двойную релятивность» функций и дисфункций доверия. Существует функциональный баланс позитивных и негативных последствий доверия [13, с. 330]. Речь идёт не только о полезных, но и о вредных последствиях доверия (чрезмерное или слепое доверие, доверие в

криминальной среде, и др.) и не только о вреде, но и о пользе недоверия в обществе. Польза недоверия, в частности, может выражаться в функциях обеспечения самосохранения, обособления, автономного развития субъекта взаимодействия [3, с. 31]. Анализ функциональности доверия должен учитывать конкретность коммуникационной ситуации. В целом учёные соглашаются с выводом, что базовые функции общественного доверия направлены на повышение уровня самоорганизации общества и воспроизводство социальной структуры.

Важной проблемой методологического исследования доверия выступает проблема оценки его уровня и содержания. Она связана с общей теорией доверия. В социальной науке существуют разные подходы к измерению уровня доверия, не свободные от искажений. Среди методических подходов, применяемых учёными, начиная с 1950-60-х годов до настоящего времени, доминируют два – опросный и экспериментальный. Существует и метод косвенной оценки уровня доверия через социальные дисфункции и социальный капитал. Открыта возможность и для применения эконометрических (математических) процедур [см.: 19]. Анализ различных методических подходов и приёмов оценки доверия требует специального рассмотрения.

Таким образом, доверие является важнейшим феноменом общественной жизни. Даже краткое рассмотрение феномена доверия показывает возможность широкого исследования данной проблематики. Доверие – фактор, определяющий характер всех социальных отношений вообще. Поэтому актуальность исследований проблематики доверия в современном обществе будет только возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. - 2-е изд. - СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004. - 495 с.
2. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. - 2021. - № 6. - С. 57-68.
3. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества /отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. - 564 с.
4. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. - 2015. - № 6. - С. 126-132.
5. Овчарова Т. Н. Доверие в социокультурной коммуникации // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2015. - № 2. - С. 25-30.
6. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, Н.В. Шаброва, Е. А. Шуклина / под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. – 382 с.

7. Тённис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.* - СПб.: Владимир Даль, 2002. – 451 с.
8. Жилина И. Ю. *Доверие в экономике // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. Экономики; Ред. кол.: Макашева Н. А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2008. - № 1: Экономическое поведение и этика. – С. 85-121.*
9. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. *Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2023. - № 1. - С. 157-179.*
10. Селигмен А. *Проблема доверия. Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 256 с.*
11. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. - М.: АСТ, 2004. - 730 с.*
12. Быкова О. Е. *Феномен доверия в философии Адама Селигмена // Этическая мысль. - 2020. - Т. 20. - № 1. - С. 130–141.*
13. Штомпка П. *Доверие - основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. - М.: Логос, 2012. - 440 с.*
14. Гудков Л. Д. *Доверие в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. - 2012. - № 2. - С. 8-47.*
15. Монд Д. Л. *Доверие как личное благо в контексте социального капитала // Социологические исследования. - 2023. - № 8. - С. 143-153.*
16. Козырева П. М. *Доверие и его ресурсы в современной России. - М.: Институт социологии РАН, 2011. - 172 с.*
17. Гужавина Т. А., Силина Т. А. *Доверие в сетевом взаимодействии // Проблемы развития территории. – 2016. – Вып. 6 (86). – С. 147-166.*
18. Веселов Ю. В. *Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2020. - Т.13. - Вып. 2. - С. 129–143.*
19. Трындина Н. С. *Анализ подходов к оценке уровня доверия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. - 2023. - № 1. - С. 20–34.*

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ КАК ТЕРРИТОРИЯ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ (В ОЦЕНКЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. ОРЕНБУРГА)

**ПЕРЕСЕЛКОВА З. Ю., КАНДИДАТ НАУК КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ,
КУЛЬТУРОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ**

**БАЙКАНОВА М. М., МАГИСТРАНТ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ И
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК,
ФГБОУ ВО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

В переходный период в России в 90-е годы XX века сельская местность столкнулась с множеством социально-экономических проблем, которые были вызваны снижением государственной поддержки агропромышленного комплекса и усилением экономического дисбаланса между городом и селом. Это привело к серьёзному спаду в развитии социальной инфраструктуры сельских территорий и значительному ухудшению качества жизни сельского населения. Из-за материальной и моральной неудовлетворенности условиями жизни и результатами труда, а также отсутствия возможности и перспективы расширения или приобретения благоустроенного жилья, наиболее работоспособная и квалифицированная часть сельского населения начала массовый отток из села.

В стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года указывается, что сельские территории Российской Федерации являются важнейшим ресурсом страны, значение которого стремительно растет в условиях углубляющейся глобализации при одновременном усилении значения природных и территориальных ресурсов в развитии страны [1]. Федеральная целевая программа по развитию сельских территорий является лишь частью государственной политики по поддержке села. В 2013 году затраты государства на развитие сельских территорий, с целью улучшения качества жизни сельского населения составили 8,8% от всей прямой господдержки сельского хозяйства России (федеральные субсидии плюс региональные), а в 2016 г. этот показатель составил 6,5%. Остальные 93,5% субсидий в сельское хозяйство направлялись на производственные цели [2, с. 126.]. Таким образом, мы видим приоритет в финансировании, прежде всего, агропромышленного комплекса, связанного с производством сельскохозяйственной продукции и обеспечением продовольственной безопасности страны, в то время как задачи по сокращению оттока сельского населения через улучшение социальной инфраструктуры финансируются в весьма урезанных объемах. В результате уровень и качество жизни сельского населения продолжает существенно отставать от уровня жизни в городах, доступ к услугам организаций минимальный, наблюдается информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью, что ведет к росту миграционного оттока сельского населения, снижению занятых в сельскохозяйственной отрасли экономике, к утрате освоенности сельских территорий. В России продолжается стабильное сокращение количества населенных пунктов в сельской местности, где проживают люди. Например, по данным переписи населения за 2010 год было зафиксировано 19 416 сельских

населенных пунктов без жителей, а в переписи за 2020 год этот показатель увеличился до 24 751. Очевидной тенденцией является постепенное измельчание сельских поселений. В более чем 52 тыс. сельских поселений проживает не более 50 человек, а в 23 тыс. и вовсе менее 6 жителей [3]. Это результат естественной убыли населения, объединения муниципальных образований, оттока населения из сельских районов в города и крупные населенные пункты вследствие таких проблем, как высокий уровень безработицы, сезонность занятости и сохраняющиеся недостатки в социальной инфраструктуре. С 2010 по 2020 годы количество занятых в сельском хозяйстве сократилось на 22%, миграционная убыль сельского населения только за 4 года (с 2014 по 2018 года включительно) составила 334,5 тысяч человек [4, с. 89; 5, с. 53].

Социальная инфраструктура села является важным компонентом в системе его социально-экономического развития и оказывает прямое влияние на условия и качество жизни населения, обеспечивая тем самым сельскохозяйственное производство трудовыми ресурсами и квалифицированной рабочей силой, соответствующей потребностям аграрного производства. Она также способствует сохранению сельского уклада жизни, устойчивому развитию сельского хозяйства и территорий в целях обеспечения продовольственной безопасности государства. Здесь сельские территории сталкиваются с рядом проблем. Согласно данным Росстата, социальная инфраструктура села в России имеет неравномерное распределение и в целом находится на более низком уровне, чем в городах. Ввод в действие общеобразовательных организаций в сельской местности сократился с 2000 по 2019 год на 54%, а по сравнению с городским уровнем разница на 2019 год составила 81% [4, с. 390]. Стоит также отметить, качество и количество предлагаемых услуг, которые являются низкими. Это связано с низкой платежеспособностью сельского населения. Улучшение качества предоставляемых услуг зависит от экономических факторов, таких как финансовые возможности учреждений, доходы населения и организация социальной сферы. Из важных составляющих также можно выделить недостаточное количество медицинских учреждений и отсутствие квалифицированных медицинских работников; ограниченный доступ к образованию, включая недостаток школ и профессиональных учебных заведений; нехватка культурных и спортивных мероприятий, таких как театры, музеи, стадионы и др. [6, с. 183].

Начиная с 2019 года, с принятием Государственной программы комплексного развития сельских территорий, основанной на дифференцированном подходе к сельскому развитию, для принятия соответствующих мер государственной политики используется комплексная социально-экономическая типология сельских территорий России. Специалистами Института аграрных исследований НИУ ВШЭ была разработана такая типология на основе методики кластерного анализа для регионов Российской Федерации. По результатам обследований Оренбургская область был отнесена ко 2 кластеру с быстростареющим сельским населением и низкими показателями по таким параметрам как:

- плотность сельского населения

- продуктивность сельскохозяйственных угодий
- благоустроенность жилищного фонда
- плотность автодорог
- обеспеченность врачами [5, с. 177-181.].

Исследования на тему отношения горожан к сельской жизни приобретают всё большую актуальность в связи с естественной убылью сельского населения и оттоком в города ввиду различных обстоятельств. С целью изучения отношения городских жителей к жизни в сельской местности и потенциальной готовности к переезду (по личным причинам или в результате действия определенных программ содействия переселению в села) в 2023 году было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В опросе приняли участие 150 человек, из них в возрасте от 18 до 35 лет (70 % от всех респондентов), то есть молодёжь, а также люди среднего возраста от 36 до 55 лет (30 % от общего количества всех опрошенных), проживающих на момент исследования в г. Оренбурге. Среди опрошенных имеют высшее образование 44 %, 29 % – среднее общее (11 классов) и 27 % со средним профессиональным образованием. По семейному положению большинство респондентов холосты и без детей (66 %), 24 % опрошенных в браке и имеют несовершеннолетних детей, и по 5 % составили респонденты в браке, у которых есть совершеннолетние дети и не замужние/ не женатые, у которых есть несовершеннолетние дети. Были выдвинуты ряд гипотез, отражающих готовность горожан к проживанию на селе и условия этого.

1) Большинство городских жителей не хотели бы переехать на постоянное место жительства в сельскую местность;

2) Возраст может оказывать влияние на готовность населения к проживанию на селе;

3) Главным препятствием для проживания или потенциального переезда в сельскую местность является неразвитость в ней социальной инфраструктуры по сравнению с городской;

4) Наличие на селе более спокойного и размеренного образа жизни является одним из позитивных стереотипов о сельской жизни.

Анализ ответов респондентов показал, что большинство опрошенных горожан (54%) не хотели бы жить в сельской местности, 20 % рассматривают для себя такую возможность, а 26 % затруднились в выборе своего ответа. Однако, несмотря на то, что большинство отрицательно отнеслись к перспективе сельской жизни для себя, примерно каждый пятый респондент имеет желание жить на селе, а значит, интерес к жизни в сельской местности существует, но не является массовым.

Была установлена зависимость желания и потенциальной готовности к жизни на селе от возраста опрашиваемых. Среди опрошенных в возрасте от 18 до 35 лет только 12 % выразили такую готовность, в то время как большинство (63 %) ответили отказом, и 25 % респондентов затруднились с ответом. Ситуация меняется среди людей в возрасте от 36 до 55 лет, где более чем треть опрошенных (38 %) проявили желание проживать в селе. Молодежь могут испытывать больший интерес к городской жизни в силу возможностей, которые

она предлагает, таких как, доступ к занятости и построению карьеры, развлечениям и активному досугу, сфере услуг. Люди старшего возраста могут быть готовы к изменениям в жизни, например, после завершения карьеры или выхода на пенсию, в том числе связанным и с переездом в деревню, могут испытывать проблемы со здоровьем, обусловленные экологической обстановкой в городах, тяготеть к размеренному образу жизни. Полученные результаты подтверждают гипотезу исследования о том, что возраст может оказывать влияние на готовность респондентов к проживанию на селе.

В опросе было предложено продолжить высказывание «Необходимо поддерживать жизнь и развитие в селах, потому что...» с целью выявления отношения респондентов к сохранению села, как традиционной территории для проживания в России. Большинство опрошенных (60%) считают, что необходимо поддерживать жизнь и развитие в селах, так как они являются источником производства натурального сырья/продуктов питания, 12% отметили, что села отражают традиции и обычаи нашей страны, а 14% указали на тот факт, что без сел не будет места, куда можно уехать на время отдохнуть от городской суеты. Только 3% опрошенных не считают необходимым поддерживать жизнь и развитие в сельской местности, считая их пережитком прошлого, 11% респондентов затруднились ответить на этот вопрос (см.: Рисунок 1). Эти результаты могут указывать на то, что большинство опрошенных придают значение сохранению сельского мира и его уклада, традиций с ним связанных, выделяют роль сельской местности в экономике и культуре страны.

Рисунок 1 – Необходимость сохранения села как территории для проживания

Далее респондентам было предложено ответить на открытый вопрос о том, с чем у них ассоциируется сельская жизнь, чтобы выяснить существующие стереотипы и представления горожан о селе. Лидирующие позиции заняли «домашнее хозяйство» (встречалось 42 раза), «тишина / спокойствие» (36 раз) и «плохая инфраструктура» (28 раз). Также часто назывались такие ассоциации как

«природа», «частный дом», «тяжелая работа/труд» и «свежий воздух». Из полученных ответов, можно сделать вывод о том, что позитивные представления о сельской жизни, связаны с природой, экологически более привлекательной обстановкой («свежий воздух»), а негативные образы ассоциируются у опрошенных с тяжелым физическим трудом и плохой социальной инфраструктурой.

На Рисунке 2 можно увидеть факторы, выделяемые опрошенными в качестве стимулирующих горожан к переезду на постоянное место жительства в сельскую местность. Основной мотив, способный оказать влияние на переезд в село у опрошенных, это усталость от бешеного ритма городской жизни, недостатка времени и скопления машин, так отметили 22 % опрошенных. На втором месте по значимости это наступление пенсионного возраста (17 %). Возможно, это связано с желанием провести оставшуюся жизнь в более спокойной обстановке, ближе к природе. Другие факторы, такие как желание большей свободы и личного пространства (15 %), вынужденный переезд по работе (9 %), удаленная работа / фриланс (9 %), ухудшение здоровья ребенка /супруга из-за жизни в городе (7 %), желание оборвать все связи и начать жизнь с чистого листа (6 %), ухудшение здоровья (5 %), а также из за желания второй половинки (4 %) также указаны как мотивы переезд в сельскую местность. Только 6 % респондентов считают невозможным свой переезд в сельскую местность, ни при каких условиях, что может быть связано с привязанностью к городской жизни или в силу сложившихся существующих негативных представлений о сельском образе жизни.

Рисунок 2 – Факторы, которые могут повлиять на принятие решения о переезде в сельскую местность

Одна из задач исследования предполагала изучение потенциальной готовности респондентов к переезду на село по каким-либо госпрограммам поддержки. Сначала задавался вопрос на информированность респондентов о государственных программах по привлечению специалистов различных областей в сельскую местность. Большинство опрошенных (80 %) имеют некоторое представление о государственных программах по привлечению

специалистов различных областей в сельскую местность, из них 40 % опрошенных знают о таких программах напрямую, а еще 40 % только слышали о них что-то. Далее спрашивали о готовности к переезду на постоянное местожительство и работу по таким программам. В результате 42 % не готовы переехать жить и работать в сельской местности по государственным программам привлечения специалистов и 64 % респондентов ответило, что готовы это сделать при определенных условиях. Среди таких условий большинство (39 %) назвали наличие в сельском поселении развитой социальной инфраструктуры; 27 % опрошенных были бы готовы к переезду в село, если им предоставят жилье в собственность и 22 % респондентов ответили, что они готовы переехать в село только в том случае, если оно будет расположено рядом с городом. Это может быть связано с желанием сохранить доступ к городской инфраструктуре и ее возможностям. Единоразовая выплата в 1 млн. рублей заинтересовала только 12 % опрошенных, т.е. большинство горожан не готовы пожертвовать устойчивыми и комфортными условиями жизни в городе в обмен на краткосрочную финансовую выгоду.

Выделяя недостатки жизни в сельской местности, респонденты называли чаще сложность в обслуживании дома и отсутствие рабочих мест/низкая заработная плата (по 21 % каждый вариант ответа), отсутствие качественного медицинского обслуживания (17 %) и недостаток культурных заведений (14 %), низкое качество школьного образования (9 %), низкая доступность транспорта (12 %) и ограниченность выбора товаров и услуг (8 %). Таким образом, отсутствие развитой социальной инфраструктуры является главной проблемой в развитии и сохранении сельских территорий России.

В тоже время большинством респондентов сельская местность описывалась и в положительном русле. Привлекательными в сельской жизни назывались экология/свежий воздух, общая атмосфера покоя и умиротворения и отсутствие городского шума. Эти факторы составляют более 60 % ответов. Также значимы возможность заниматься натуральным хозяйством и увеличенное личное пространство, которые были выбраны каждым десятым опрошенным. Меньшие расходы на коммунальные услуги и налоги (5 %), жизнь в гармонии с природой (7 %), ощущение коллективной сплоченности (3 %) для опрошенных являются менее значимыми факторами, однако тоже имеют место быть. Только 4 % респондентов не видят ничего привлекательного в сельской жизни.

Анализируя общую картину полученных ответов в ходе исследования, можно утверждать, что отношение горожан к жизни в сельской местности тяготеет к отрицательному значению. Связано это с тем, что городская среда оценивается ими как более привлекательная для комфортной жизни, предоставляющая большие возможности. Тем не менее, часть из них предпочли бы жизнь на селе из-за более спокойной и размеренной обстановки, близости к природе и возможности ведения домашнего хозяйства. Данный вывод подтверждается в вопросе о факторах, которые могли бы повлиять на переезд в село, когда самым популярным оказался вариант «усталость от бешеного ритма

жизни, беготни, скопления машин, недостатка времени», а в вопросе об ассоциациях очень часто встречался ответ «тишина/спокойствие».

Наиболее значимым мотивом для переезда в сельскую местность являются наличие развитой социальной инфраструктуры и небольшой удаленности сельского поселения от ближайшего города. Существующие государственные программы, направленные на привлечение специалистов в сельскую местность, добавляют привлекательность к переезду на село, но в большинстве своём только при наличии определённых условий, ведущими выступают обеспечение удовлетворения социальных потребностей. Из ответов респондентов видна потенциальная готовность к переезду в село, особенно в возрастной группе 36-55 лет, но сельская местность не удовлетворяет их запросы к качеству жизни.

Таким образом, исследование показало, что для решения проблемы сокращения сельского населения в современной России необходимо организовывать комплексные программы по развитию прежде всего социальной инфраструктуры сельских территорий, которые должны включать в себя меры по повышению доступности медицинской помощи, образования, транспортной и жилищной инфраструктуры, созданию новых рабочих мест и стабильной занятости. Также актуальным видится проведение информационных кампаний, которые освещали бы существующие меры государственной поддержки для сельских жителей и показывали преимущества жизни в сельской местности, формируя позитивный образ сельской России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

18. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года // Правительство России. – URL: <http://government.ru/docs/16757/>. – (дата обращения: 11.01.2024).
19. Логинова Д. А., Строков А. С. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – №2. – С. 115-140.
20. Всероссийская перепись населения 2020 года // Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul. – (дата обращения: 4.01.2024).
21. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2020. – 550 с.
22. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: науч. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2020. – 224 с.
23. Бондаренко, Р. П. Роль и значение социальной инфраструктуры села // Экономика, управление, финансы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 183-185.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**ПЕРМИНОВА М.С., КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Эффективность функционирования системы управления персоналом определяется ее вкладом в достижение организационных целей. Управление кадрами эффективно настолько, насколько успешно персонал образовательной организации использует свой потенциал для реализации стоящих перед ним задач. Поэтому важную роль сегодня играет система управления персоналом в образовательной организации.

Поскольку успешная деятельность любой образовательной организации зависит не только от наличия материальных ресурсов, но и в большой степени от людей, работающих в ней.

Соответственно, происходящие трансформации в системе образования обусловлены объективной потребностью в изменениях, адекватных развитию общества и образовательной системы в целом. Так, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» сказано, что «требования к современному образованию и социальный заказ ставят образовательные организации перед необходимостью работать в режиме развития [5]. Стратегия XXI века – это стратегия развития, в которой сотрудник является ведущим фактором и золотым запасом организации. Объединение работников в команды способствует высвобождению огромной внутренней энергии и творческого потенциала: вызывает энтузиазм благодаря социальной поддержке, удовольствию от работы, расширению знаний и навыков.

В этих условиях необходимость повышения качества образования как условия повышения качества человеческого капитала российского общества, актуализирует вопрос управления персоналом образовательных организаций. Данный вывод подтверждается результатами международных исследований Всемирного банка и консалтинговой компании McKinsey, согласно которым «развитие управленческого персонала повышает производительность его труда и труда сотрудников организации, способствует формированию благоприятного морально-психологического климата в организации; а для самих сотрудников повышает конкурентоспособность на рынке труда, дает возможность карьерного роста и обеспечивает большую мотивацию профессиональной деятельности» [2]. При этом, по мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «развитие персонала результативно и эффективно, если реализуется как система мер, отражающих персонифицированные требования и потребности ключевых заинтересованных сторон данного процесса» [4].

Проведенный структурно-функциональный анализ отечественной системы образования позволил выделить ключевые субъекты развития

управленческого персонала образовательной организации, которые выступают также субъектами управления данным процессом (рисунок 1).

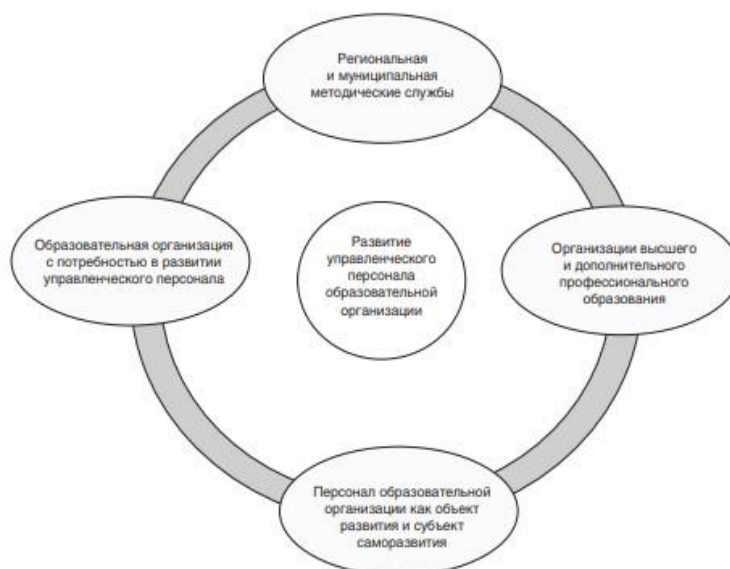

Рисунок 1 – Ключевые субъекты управления развитием управленческого персонала образовательной организации

Анализ нормативно-правового и организационно-методического обеспечения деятельности ключевых субъектов развития управленческого персонала образовательных организаций позволил выделить уровневый состав субъектов управления данным процессом (таблица 1).

Таблица 1 – Уровневый состав ключевых субъектов управления развитием управленческого персонала образовательной организации

Уровень состава	Состав субъектов управления развитием управленческого персонала образовательной организации
1	Персонал образовательной организации как субъект саморазвития
2	Персонал образовательной организации как субъект саморазвития и объект развития; организации высшего и дополнительного профессионального образования
3	Управленческий персонал образовательных организаций как объект развития; образовательная организация с потребностью в развитии управленческого персонала; организация высшего и дополнительного профессионального образования
4	Управленческий персонал образовательных организаций как объект развития; образовательная организация с потребностью в развитии управленческого персонала; региональные и муниципальные методические службы; организации высшего и дополнительного профессионального образования

На наш взгляд, представленные на рисунках состав и функции субъектов управления персонифицированным развитием (саморазвитием) управленческого персонала образовательной организации будут способствовать проектированию и эффективной реализации данного процесса в соответствии с требованиями и потребностями ключевых заинтересованных сторон.

Сфера высшего образования остается на настоящий момент самой трудоемкой и наиболее зависимой от качества работы сотрудников. Отсюда следует, что функционирование учреждений образования во многом зависит от эффективности системы управления персоналом. Для получения максимальной отдачи от персонала вуза требуется разработка такой системы методов управления, которая способствовала бы реализации стратегической цели и задач вуза. Основу системы управления персоналом вуза в настоящее время составляют возрастающая роль личности сотрудников, знание их мотивационных установок, умение их формировать и направлять в соответствии с задачами, стоящими перед вузами. Процесс управления человеческим капиталом будет эффективен лишь в том случае, когда имеется стратегия, а также взаимосвязь между стратегией, политикой и системой управления.

Для сложных деятельностных систем, которыми являются практически все образовательные системы, характерно наличие уровней иерархий и иерархий уровней – верхний уровень всегда занимает ведущая подсистема – управляющий орган.

По мнению некоторых исследователей в иерархической системе высшего образования России следует выделять три уровня: «на верхнем уровне – отрасль высшего образования, на следующем уровне – вузы и на третьем уровне – учебные процессы». Каждый уровень сопровождается адекватным определением целей и базовых принципов управления. Так, на верхнем уровне задаются цели всей сферы высшего образования, отражающие требования общества к профессиональной подготовке. Затем эти цели детализируются в управленческие решения на уровне вузов. Реализацию многоуровневой системы управления образованием необходимо проводить как «сверху вниз», так и «снизу вверх»: реализация «сверху вниз» происходит на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления через обеспечение образования нормативной базой, научно-методическим сопровождением, подготовкой кадров, разработкой специальных технологий и методик; реализация «снизу вверх» происходит на локальном уровне осуществлением конкретных действий по реализации поставленных задач и обеспечению качества обучения [3].

Очевидно, что на каждом уровне управления будет складываться особая по масштабу, целям и средствам образовательная система:

1) государственно-общественная система образования, региональные системы образования, системы образования отдельных регионов, муниципальные системы образования;

2) система обучения в конкретном образовательном учреждении, деятельность детских организаций и других социальных институтов общества, реализующих педагогические цели;

3) отдельная образовательная программа, отдельный учебный процесс, авторские системы обучения и системы обучения, сложившиеся в рамках деятельности отдельных групп педагогов и обучающихся.

Рассмотрим каждый уровень подробнее.

Уровень управления – учебный процесс. Современный учебный процесс характеризуется тенденциями информатизации и технологизации, широким внедрением разнообразных электронных средств обучения, увеличением доли самостоятельной работы студентов, появлением новых неконтактных форм обучения и фактическим переносом обучения в открытое образовательное пространство. Представляя современный учебный процесс как педагогическую систему необходимо отметить, что в ней остаются все традиционные элементы (цель, содержание, организационные формы, методы обучения, способы взаимодействия), но они изменяются в связи с переходом на новую образовательную парадигму и изменением используемых технологий: задачами студентов становится не пассивное приобретение знаний, а их активное добывание средствами ИКТ; в организационные формы учебного процесса активно внедряются видеолекции, виртуальные семинары и т.п.

Уровень управления – основная (профессиональная) образовательная программа. Когда главным объектом планирования, реализации и управления оказывается основная профессиональная образовательная программа в совокупности ее содержательных, учебно-методических, кадровых, материально-технических, информационно-электронных, финансовых и пр. ресурсов, роль кафедральной структуры и кафедры как традиционного учебно-научного подразделения вуза становится принципиально иной [1]. Функции организационного и ресурсного обеспечения образовательной программы переданы от заведующего кафедрой ведущим менеджерам образовательной программы, которые отвечают за реализацию образовательной программы в целом. Партнером менеджера, определяющим направленность/ профиль программы, ее содержательное наполнение, профессионально значимые компетенции, выступает не кафедра, а прежде всего заказчик программы (работодатели, профессиональные сообщества, ведущие ученые).

Задача менеджера заключается в том, чтобы в кооперации с заказчиками программы выстраивать на современной основе организацию образовательного процесса. Другими словами – осуществить соответствующее проектирование основной образовательной программы и обеспечить ее качественную реализацию. Необходимо: определить цели обучения, выстроить адекватный учебный план и матрицу компетенций, выбрать образовательные технологии, сформировать учебно-методические комплексы и обеспечить условия реализации программы.

Уровень управления – образовательное учреждение (вуз). Рассмотрение образовательного учреждения как педагогической системы и объекта управления означает, что управленческая деятельность организаторов образования и должностных лиц должна быть направлена на выработку целей основного вида деятельности, на создание благоприятных условий обучения и достижения запланированных результатов. Общая цель функционирования

образовательного учреждения детализируется в частных целях, сформулированных по отдельным направлениям деятельности вуза. Одним из признаков эффективного управления является умение руководителей не только намечать частные цели, но и на каждом значительном временном этапе соотносить их с общей целью. В таком случае управление позволяет сохранять целесообразность педагогической системы и продуктивно влиять на обновление составляющих ее компонентов.

Подводя итог, хочется отметить, что управление персоналом образовательной организации является особым видом деятельности, который требует выполнения специальных функций и наличия особых качеств сотрудников, занимающихся этой деятельностью. На эффективность управления персоналом влияют, прежде всего, компетенция работников и уровень их мотивации. При этом компетенция работников зависит от уровня их образования, опыта работы и личных способностей. Управление педагогическим коллективом осуществляется на двух уровнях: управления коллективной деятельностью и деятельностью каждого педагога в частности, что необходимо учесть в специфике и разработке стратегии управления персоналом образовательной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Бандурина, Д.А. Специфика управления персоналом в образовательном учреждении / Д.А. Бандурина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2019. – №1. – С. 15-20.

2 Борисова, Е.В. Педагогический кадровый потенциал в аспекте инновационной компетентности / Е.В. Борисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2016. – № 1. – С. 90-95.

3 Карпенко, М.П. Содержание современного образования: взгляд на проблему / М.П. Карпенко // Психологическая наука и образование. – 1999. – № 3-4. – С. 12-19.

4 Кузьменко, Н.И. Особенности кадровой политики в образовательных организациях / Н.И. Кузьменко // Синергия. – 2017. – № 2. – С. 7-15.

5 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г., № 273-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ - (дата обращения: 11.04.2024).

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

**ХАМИДУЛЛИН Н.Р., КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ,
ХАМИДУЛЛИНА Т.Н., УЧИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
КАТЕГОРИИ**

**ХАМИДУЛЛИН Н.Р., КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
ФГБОУ ВО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ХАМИДУЛЛИНА Т.Н., УЧИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
КАТЕГОРИИ, ДИРЕКТОР МОАУ «СОШ №1 С УГЛУБЛЕННЫМ
ИЗУЧЕНИЕМ МАТЕМАТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА»
ГОРОДА ОРЕНБУРГА**

Мировое сообщество подвержено кризисным явлениям во всех сферах жизнедеятельности человечества. Россия не исключение. Социальные изменения затрагивают интересы, как отдельных граждан, так и различные слои общества и властные структуры на всех уровнях (центральном, региональном, местном). Политика, экономика, здравоохранение, наука, образование, культура и социальная сфера испытывают немалые трудности в разрешении возникших проблем. Общемировые ценностные изменения оказывают воздействие на нормы нравственности и морали, что, несомненно, отражается на молодом поколении российских граждан. Современная молодёжь является стратегическим ресурсом любого государства, а значит, Россия нуждается в поколении молодых людей, способных на нормах и принципах нравственности преодолевать и решать возникшие проблемы в стране. С этой точки зрения, глава государства в Послании Федеральному Собранию РФ подчеркивает, что именно вовлечённость людей в дела страны и гражданская активность, как и культурные, нравственные, духовные ценности, делают нас единым народом, способным к достижению больших целей [8]. Исходя из этого, приоритетным направлением является воспитание молодого поколения, а культура, история и нравственные устои являются крайне актуальными в развитии нашего общества. Следовательно, в социокультурном измерении смысл воспитания заключается в том, что высшей ценностью является человек, умеющий и способный любить, а высшей ценностью самого человека является любовь к своей Родине [2, с. 5].

Что же такое нравственность? В научной и публицистической литературе представлены разнообразные трактовки данного понятия. Рассмотрим некоторые из них:

«Нравственность – внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и природе» [4].

«Нравственность – добровольное согласование чувств, стремлений и действий членов общества с чувствами, стремлениями и действиями сограждан, их интересов и достоинством, с интересом и достоинством всего общества в целом» [12, с. 309].

«Каковы поступки, рассуждал Аристотель, таковы и нравственные качества человека. Равномерно распределяя блага при обмене между людьми, человек учиться быть справедливым, проявляя отвагу в условиях опасности, он приобретает мужественность» [6, с. 171].

«Нравственность – ценностная структура сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде» [11].

Обобщая различные трактовки понятия «нравственность», можно констатировать, что данное научное понятие по своему содержанию отличается многообразием её свойств, отражает многогранную реальность ценностей и интересов всего общества и, прежде всего, общественных и общечеловеческих, которые в последующем совпадают с внутренними мотивами мышления и поведения человека. Данное понятие находится во взаимосвязи с нормами морали и этики, формирует внутренние качества и совестливое отношение человека к другим людям и окружающей среде. Сообразно с этим прослеживается взаимосвязь нравственности и духовности, рассматриваемые в дальнейшем как единое целое (духовно-нравственные критерии, духовно-нравственная культура, духовно-нравственное воспитание и т. д.).

Многие идеи отечественных мыслителей о нравственности и духовных основах общества актуальны в современной России. Например, важные элементы духовно-нравственного воспитания человека представлены в трудах Д. А. Левчука и О. М. Потаповской. Авторы полагают, что духовно-нравственное становление человека определяет формирование:

1) нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма);

2) нравственного облика (терпения, милосердия, кротости, незлобивости);

3) нравственной позиции (способности к различению добра и зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний);

4) нравственного поведения (готовности служения людям и Отечеству, проявления духовной рассудительности, послушания, доброй воли) [3, с. 9, 10].

По мнению большинства учёных, нравственное воспитание представляет собой процесс взаимодействия воспитателя и воспитуемого, направленный на формирование:

1) нравственного сознания (ознакомление с нравственными идеалами, принципами, требованиями общества и превращение этих знаний в убеждения);

2) устойчивых положительных нравственных чувств (совести, долга, чести, ответственности, солидарности, стыда и т. п.);

3) нравственных качеств (честности, правдивости, доброты, дисциплинированности, исполнительности и т. п.);

4) культуры поведения (нравственных умений и привычек) [1, с. 150].

Однако процесс воспитания и развития молодёжи сопряжён с рядом негативных событий в мировом сообществе. Сложная геополитическая обстановка, терроризм, геноцид, санкции, иноагенты и многое другое. Поэтому

современная воспитательная работа должна выстраиваться на основе формирования и развития у молодых людей качеств гуманизма, толерантности, нравственности, патриотизма, справедливости и гражданственности. Нравственные ориентиры отвергают идеологии терроризма, русофобии, экстремизма, шовинизма, антисемитизма, предательства и т. п. Всё это определяет сложность и многозначность воспитательного эффекта. Молодёжь должна уметь осознавать пагубность не разумных аффектов в системе общественных отношений.

Важно воспитать высоконравственного человека. Первоначальные основы нравственности закладываются в семье. Необходимо понимать, что дети в возрасте до 14 лет, как правило, ещё не совсем готовы отчётливо мыслить и давать реальную оценку тем или иным социальным изменениям, происходящих как в стране, так и за рубежом. А значит, многое зависит от родителей и близких в окружении людей, непосредственно принимающих участие в семейном воспитании.

Следует отметить, что российские граждане единодушно поддерживают меры Президента России, направленные на развитие института семьи. Из текста Послания Федеральному Собранию РФ следует, что ценности любви, взаимной поддержки и доверия передаются в семье из поколения в поколение, так же как культура, традиции, история и нравственные устои [9]. Органы государственной власти должны создать все необходимые условия для плодотворного развития института семьи и бережного отношения к духовно-нравственным традициям семейных отношений [13, с. 94].

Системе образования (дошкольным учреждениям, школам, колледжам, ВУЗам и т. д.) по праву принадлежит особая роль в формировании качеств нравственности. Прежде всего, необходимо донести до обучающихся востребованные знания, умения и навыки. Но значимым является то, что каким будет сам человек по завершению программы обучения (добрым, вежливым, уравновешенным, ответственным, патриотом и т. п.). Однако порой мы сталкиваемся с тем, что молодой человек имеет отличные показатели по результатам освоения учебных дисциплин, но качества нравственности в отдельных случаях выделяют его с отрицательных позиций в системе общественных отношений. В результате формируется личность, отвергающая значимые духовно-нравственные ценности общества. Ужасно то, что возможен вариант становления злобного человека, а хуже всего наркомана, преступника или иноагента. Такого не должно быть! В данном случае процесс социализации является особо значимым в системе воспитательной работы, результаты которой находятся в прямой зависимости от слаженной и продуктивной работы всего педагогического коллектива.

Алгоритм мероприятий воспитательного характера учителей, преподавателей должен выстраиваться, исходя из психологических особенностей обучаемых. Проектирование будущего человека, формирование нравственности, и гражданственности – основная часть работы педагога, наставника, воспитателя. Следует воспринимать обучаемого таким, какой он есть, проявляя при этом элементы уравновешенности, выдержки и самообладания. Это достаточно трудоёмкая работа, которая определяет

результаты педагогического воздействия, так как для нас важен сам человек и его мировоззрение. Практически данное положение представлено в трудах известного отечественного педагога А. С. Макаренко. Он справедливо отмечал, что воспитание молодого человека – это сложная задача, «...возможно, самая ответственная и требующая не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей» [5, с. 178].

По нашему мнению, молодёжная среда является наиболее уязвимой частью нашей страны. Призывы к проведению несанкционированных акций со стороны нелегальной оппозиции, попытки насаждения экстремистских взглядов, а также вовлечение молодёжи в террористические структуры актуальны в настоящее время, требуют безотлагательных решений и действий. Любой школьный класс, студенческая группа или коллектив той или иной молодёжной организации представляют собой многообразие суждений и мнений. Поэтому важно сплотить школьный класс или студенческую группу, сформировать духовно-нравственные качества, выработать правильные ориентиры и тем самым предостеречь их от неосознанных поступков, противоречащих нравам российского общества. Следует воодушевить и уверить молодёжь в правильности суждений в интересах всего коллектива (группы, школы, ВУЗа и т. д.) и в целом государства, что должно стать прерогативой любого педагога на современном этапе развития России. Так, Президент РФ в Послании Федеральному Собранию определил, что нельзя имитировать преподавательскую деятельность. Важно качество работы преподавателей, учителей. Надо научиться уважать себя и вспомнить такое важное понятие, как «репутация», что из репутации конкретных школ, университетов складывается общая репутация страны [7].

В России проводится широкомасштабная молодёжная политика в рамках различных молодежных акций, форумов, проектов, программ и т. д. Молодёжь принимает участие в органах самоуправления государственной власти, широкомасштабно действуют молодежные общественные объединения во всех субъектах РФ и другое. Например, успешно функционирует всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия». Всестороннее развитие и совершенствование личности детей и подростков осуществляется в рамках общероссийского общественно-государственного движения «Движение первых» (2022 г.). Уже в 2023 году «Движение первых» было открыто свыше пятисот отделений в ВУЗах, школах каждого муниципалитета России. На настоящее время в «Движении первых» принимают участие почти 5 млн молодых людей [10].

Таким образом, нравственность – внутренние качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга и чести на благо великой России. Общемировые ценностные изменения оказывают воздействие на нормы нравственности, что, несомненно, отражается на молодом поколении граждан. Россия нуждается в поколении молодых людей, способных на нормах и принципах нравственности преодолевать и решать возникшие проблемы в стране. Поэтому, приоритетным направлением является воспитание молодого

поколения, а культура, история и нравственные устои являются крайне актуальными в развитии нашего общества.

Воспитательная работа должна выстраиваться на основе формирования и развития у молодых людей качеств гуманизма, толерантности, нравственности, патриотизма, справедливости и гражданственности. Нравственные ориентиры отвергают идеологии терроризма, русофобии, экстремизма, шовинизма, антисемитизма, предательства и т. п.

Системе образования по праву принадлежит особая роль в формировании качеств нравственности. Проектирование будущего человека, формирование нравственности и гражданственности – основная часть работы педагога, наставника, воспитателя. Это достаточно трудоёмкая работа, которая определяет результаты педагогического воздействия, так как для нас важен сам человек и его мировоззрение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бахчиева, О. А. Подходы к определению понятия нравственности / О. А. Бахчиева // Наука и школа, 2013. – № 4. – С. 147-153. – ISSN 1819-463X.
- 2 Вырщиков, А. Н. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе: монография / А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
- 3 Левчук Д. Г. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы / Д. Г. Левчук, О. М. Потаповская. – М.: Планета, 2003. – 63 с.
- 4 Лец, С. Е. Социологический словарь / С. Е. Лец // Gufo.me. – URL: <https://gufo.me/dict/social/Нравственность> – (дата обращения: 01.04.2024).
- 5 Макаренко, А.С. Сочинения: в 7 т. / А.С. Макаренко. – М.: Издательство Академии педагогических наук, 1958. – Т. 5 – 560 с.
- 6 Педагогический энциклопедический словарь / Главный редактор Б. М. Бим-Бад; Редколегия: М.М. Безруких, В.А. Болотов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с. – ISBN 5-7107-7304-2.
- 7 Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года // Российская газета. – 2014. – 5 декабря.
- 8 Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 1.03.2018 г. // Российская газета. – 2018. – 2 марта.
- 9 Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 г. // Российская газета. – 2024. – 1 марта.
- 10 Путин, В. В. Путин заявил, что в «Движении первых» состоит уже почти 5 млн ребят / В. В. Путин // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19878367> – (дата обращения: 01.04.2024).
- 11 Словари и энциклопедии на Академике / Академик. – URL: <https://official.academic.ru/14174/Нравственность> – (дата обращения: 31.03.2024).
- 12 Философский энциклопедический словарь / Редакторы-составители: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с. – ISBN 5-86225-403-Х.

13 Хамидуллин, Н. Р. О мерах социальной поддержки многодетных семей (на примере Оренбургской области) / Н. Р. Хамидуллин // Социологическая наука и социальная практика, 2023. – Т. 11, № 1. – С. 86-103.